

Литературный факт.
2020. № 3 (17)



Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

Научная публикация архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>



This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917*

© 2020, А.Л. Соболев

Аннотация: История московского «Общества свободной эстетики» (1906–1917), основанная на недостаточно полно и неравномерно изученных источниках, остается на периферии исследовательского интереса. Основной целью публикации является восполнение этой лакуны. Хроника основана на широком круге источников: собственные отчеты общества (рукописные и печатные), в том числе финансовые; повестки и протоколы заседаний Комитета и общих собраний; тетрадь посещений заседаний гостями в 1910–1912 гг., сохранившаяся в отделе рукописей РГБ; переписка участников; издававшиеся с 1913 г. «Известия литературно-художественного кружка», а также газетные отчеты. Публикуемая Хроника учитывает все датированные официальные мероприятия «Общества свободной эстетики», прежде всего — литературные и музыкальные вечера, но также организационные собрания самого Общества и его Комитета, за исключением партикулярных встреч членов Общества. Для выявленных заседаний указываются дата, статус (общее, закрытое и т.д.), место проведения, тема, время начала, условие присутствия гостей, прочие сведения, включая число участников и финансовые результаты. Далее следует очерк основных источников: повестка (если она разыскана), отчет и т.д. После этого приводятся документы, относящиеся к подготовке мероприятия, его проведению и последствиям, цитируются письма и воспоминания участников заседаний. Вторая часть публикации посвящена последним годам работы Общества (1912–1917).

Ключевые слова: «Общество свободной эстетики», литературные объединения, хроника, архивные источники, газетные отчеты, футуристы, В. Брюсов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: Соболев А.Л. Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть вторая: 1912–1917 // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 88–157. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>

* Начало см.: [24].

1912

19 января 1912 (четверг).

Девятое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК¹.

«В.Я. Брюсов прочтет IV книгу “Энеиды” Вергилия (“Любовь Энея и Дидоны”) в своем новом переводе».

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 29 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 51 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 3 (А.А. Шестеркиной).

Анонс: «19 января в заседании общества свободной эстетики в Москве Валерий Брюсов прочтет отрывки из своего нового перевода “Энеиды” Вергилия. Над этим переводом г. Брюсов работает уже около 12-ти лет и в настоящее время успел окончательно отделать первую его половину (книги I–VI), которая появится вскоре в свет в издании М.С. Сабашникова, в предполагаемой им серии переводов античных классиков» (Обозрение театров. 1912. № 1632, 14 янв. С. 15).

Согласно отчету, присутствовали 86 человек (*Отчет 11/12*). Данные переписи существенно расходятся — согласно журналу, было 129 человек (*Журнал посещений*. Л. 38об.–40). Выручено от продажи входных билетов 39 руб. (*Финотчет*. 11/12).

17 января В.Ф. Ахрамович, делясь с Э.К. Метнером сомнением по поводу рукописи Брюсова, сданной им в журнал «Труды и дни», среди прочего сообщал: «Завтра в “эстетике” Борис Николаевич <Бугаев> хочет поговорить с Брюсовым по поводу полемического тона его фрагментов» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 4).

В газетах писалось: «Вчера в собрании Общества свободной эстетики В.Я. Брюсов познакомил с частью своей громадной литературной работы — перевода “Энеиды” Вергилия. В собрании была прочитана поэтом вся четвертая песнь, рассказывающая о бегстве из Карфагена Энея и о самоубийстве влюбленной царицы Дидоны. Чтение 700 с лишком стихов — перевод сделан стих в стих — заняло больше часу, и, несмотря на такую продолжительность, слушатели, наполнившие залу, следили за ним с неослабным вниманием, так ярки краски перевода, хотя бы в описании Атласа, и так силен его язык, хотя бы в последнем проклятии Дидоны. Труд-

¹ Указания на место собраний даются сокращенно: в помещении Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковых) — ЛХК; в помещении картинной галереи К. Лемерсье (Салтыковский, 8) — галерея Лемерсье; в помещении ресторана «Альпийская роза» (Софийка, 4/6) — «Альпийская роза»; в помещении Юридического собрания (Мал. Никитская, 25) — Юридическое собрание. Систему сокращений основных источников см.: [24, с. 395–397].

но оценивать достоинства сделанной художественной работы по первому беглому знакомству, но несомненно, что русская переводная литература получает ценный вклад» (Русские ведомости. 1912. № 16, 20 янв. С. 3).

Это заседание описано К. Липскеровым в поэме «Другой»:

Блестит над сумрачным сукном
Лоб острый Брюсова. Кругом
Маячат призрачные лица,
Недвижной бабочкой лучится
Взор Белого. Среди седин
Классиковедающих шорох
Усталых юношей, которых
Воспел насмешливо Кузмин.
И в черном, в желтом и в лиловом,
Превознесенные Серовым, —
В строках упорных и тугих,
Москвы отобранные жены
Внимают ропоту Дидоны,
Из мглы доплывшему до них.

(Липскеров К. Другой:

Московская повесть. М., 1922. С. 15).

26 января 1912 (четверг).

Десятое собрание сезона 1911–1912 гг.

Lieder-abend (нем. Вечер песен).

Исполнялись романы Яворского на слова А.Я. Брюсова, В.Я. Брюсова, А. Белого и М. Метерлинка. Исполнители: М.А. Дейша-Сионицкая, А.М. Ян-Рубан и Н.Г. Райский.

Отчет 11/12. Перепись не велась. Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (Финотчет. 11/12).

9 февраля 1912 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.— ЛХК.

Андрей Белый прочтет отрывки из своего нового романа «Злые Тени». Выставлены будут офорты Огюста Данса.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 51 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 4 (А.А. Шестеркиной).

Вопреки повестке, согласно отчету, на вечере В.Я. Брюсов читал свой перевод «Баллады Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда. О предстоящей замене сам Брюсов сообщал А.А. Курсинскому в письме от 8 февраля 1912 г.: «Завтра, 9 февр., в Общ. Свободной Эстетики должен был читать Андр. Белый отрывки своего нового романа “Тени снов”. Но оказалось, что Белый приехать не может (он в Петербурге). Поэтому читать буду я, — свой новый перевод “Баллады Рэдингской тюрьмы” Оскара Уайльда» (РГБ. Ф. 389. Карт. 1. Ед. хр. 25. Л. 10; при публикации корпуса оно было опущено).

Присутствовало 142 (*Отчет 11/12*) или 124 (*Журнал посещений*. Л. 40об.–42) человека. Выручено от продажи входных билетов 36 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

16 февраля 1912 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

На собрании будут оглашены результаты Конкурса поэтов, объявленного Обществом, прочитаны (авторами) стихотворения, доставленные на Конкурс, и выданы премии, назначенные Комитетом за лучшие из них.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 56 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 5 (А.А. Шестеркиной).

Первый конкурс стихотворений был объявлен в конце 1911 г. (последний срок представления стихотворений — 25 декабря), см.: Известия книжного магазина Т-ва М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1912. № 2, февр., обложка, с. 2. Печатный экземпляр условий конкурса отложился, в частности, в архивах Садовского (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 55) и Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 9):

«Комитет Общества Свободной Эстетики приглашает членов Общества и его посетителей принять участие в первом конкурсе стихотворении на тему:

А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

1. Стихотворения должны быть присланы на имя члена Комитета В.Я. Брюсова (Москва, 1 Мещанская, 32), переписанные не рукой автора (желательно на машине) и подписанные избранным девизом. К стихотворению должен быть приложен запечатанный конверт, под тем же девизом, содержащий имя, отчество и фамилию автора и его адрес.

2. Стихотворения должны иметь не менее 20 и не более 60 стихов. Разработка предложенной темы, выбор размера, строфической или а-строфической формы — предоставляются авторам.

3. Присланные стихотворения будут рассмотрены Комитетом Общества. Те стихотворения, которые будут признаны комитетом заслуживающими внимания, будут прочтены на очередном собрании Общества — авторами или артистами. Остальные будут уничтожены, причем приложенные к ним конверты с именами авторов вскрыты не будут.

4. Автору того стихотворения, которое будет найдено Комитетом лучшим, будет предложен от Общества Свободной Эстетики на память подарок.

5. Последний срок для доставления стихотворений 25 декабря 1911 года.

6. Конкурс будет считаться состоявшимся, если будет доставлено не менее 5 стихотворений под разными девизами.

7. Комитет оставляет за собой право не признать никого из авторов доставленных стихотворений достойными предполагаемого подарка от Общества или выдать их несколько, если несколько стихотворений будут признаны равными по своему художественному достоинству».

Накануне вечера объявления итогов Общество разослало всем участникам конкурса письма-приглашения; цитируем по черновику рукой Брюсова, отложившемуся в его архиве:

«М. Г.

В четверг ___ февраля на собрании Общества Свободной Эстетики (Москов. Литер. Худ. Кружок, Б. Дмитровка д. Востряковых), в 9 ½ час. веч. состоится выдача [подарков] премий присужденных Комитетом Общества за лучшие стихотворения из числа доставленных на объявленный Конкурс Общества. На том же собрании все доставленные на Конкурс стихотворения будут прочитаны членам Общества. Будьте любезны известить Комитет (по адресу: Москва, 1 Мещанская д. 32, члену Комитета И.М. Брюсовой), желаете ли Вы сами прочесть доставленное Вами стихотворение или поручаете это кому-либо другому.

Настоящее письмо служит входным билетом на собрание ___ февраля.
Комитет».

(РГБ. Ф. 386. Карг. 114. Ед. хр. 39. Л. 1; известен беловой вариант, отправленный Е.Л. Янтареву: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1).

Согласно отчету, выданы были три премии за три признанные лучшими стихотворения. «Премии (медали с эмалевым изображением марки Общества и именем лауреата с обратной стороны) получили М.И. Цветаева, Л. Зилов и А.А. Сидоров. Затем были прочитаны авторами все доставленные на конкурс произведения (всего 16). Стихотворения вне конкурса были прочитаны С.П. Бобровым, В.Я. Брюсовым, М.А. Воло-

шиным, Б.А. Садовским, С.Я. Рубановичем и В.Ф. Ходасевичем. Присутствовало 154 человека» (*Отчет 11/12*); перечислены: *Журнал посещений*. Л. 42об.–44. Выручено от продажи входных билетов 51 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

Ср. также: «Именно за высокое художественное мастерство Лев Николаевич Зилов был награжден весной 1912 года “Обществом свободной эстетики” под председательством Валерия Брюсова Золотым жетоном с изображением Пегаса, символа поэтического вдохновения» [17, с. 60]; см. также ниже упоминание Пегаса в мемуарах М. Цветаевой. Знаки были изготовлены прославленной фирмой К. Фаберже (среди расходов вечера значится оплата его счета на 65 руб.).

В газетном отчете говорилось:

«Первую премию не получил никто. Вторая была разделена между г. Зиловым и г-жой Цветаевой. Третью, добавочную, получил А. Сидоров.

Самое же замечательное и беспремерное в этом конкурсе стихов было то, что все остальные стихотворения были признаны комитетом “достойными прочтения на заседании общества свободной эстетики”.

В прошлый четверг поэты читали свои стихи.

Сначала прочли их “лауреаты” — Цветаева, Зилов, Сидоров.

Затем, в порядке алфавита, — остальные участники конкурса. Комитет воистину проявил и беспристрастие, и несомненный вкус.

Действительно, из того, что было прислано на конкурс, стихи лауреатов — лучшие.

Но мало в этом радости для судеб русской поэзии. Конкурс не только не дал ничего значительного, яркого, но ярко показал, как много людей умеют писать стихи и как мало среди них поэтов.

Бледность и ничтожность результатов конкурса в особенности ярко подчеркнули лица, читавшие стихи на ту же тему вне конкурса.

Из них прекрасные образцы поэзии дали В. Брюсов, С. Рубанович и Вл. Ходасевич, в особенности последний, блеснувший подлинно прекрасным стихотворением.

Как-то странно, непонятно проскочил вне конкурса некий г. Курлов, проявивший беспремерную наглость в трактовке темы великого поэта, позволивший себе занять внимание серьезно настроенной публики поразительным по бездарности, исключительным по безвкусию стихотворением.

Ропот негодования пронесся по зале при первых строках этого, с позволения сказать, стихотворения, и когда г. Курлов кончил, не удалось не только ни единого хлопка, но явственно послышался свист наиболее возмущенных.

В.Я. Брюсов поспешно встал и разъяснил собравшимся, что г. Курлов не участвовал в конкурсе и участие его вне конкурса объясняется

недоразумением» (Е. Я<нтарев>. У эстетов // Московская газета. 1912. № 176, 20 февр. С. 4).

Ср. в воспоминаниях А.И. Ходасевич: «Однажды в “Литературном кружке” на вечере “Свободной эстетики” Валерий Яковлевич объявил конкурс на слова Дженни из “Пира во время чумы”: “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах”. Владя как будто бы и не обратил на это внимание. Но накануне срока конкурса написал стихи “Голос Дженни”.

На другой день вечером мы поехали в “Литературный кружок”, чтобы послушать молодых поэтов на конкурсе. Результаты были слабые. Если мне не изменяет память, — всё же лучшим стихотворением конкурса признаны были стихи Марины Цветаевой. Владя не принимал участия в конкурсе, но после выдачи первой премии Цветаевой подошел к Брюсову и передал ему свое стихотворение. Валерий Яковлевич очень рассердился. Ему было досадно, что Владя не принимал участия в конкурсе, на котором жюри, конечно, присудило бы первую премию ему, так как его стихи Брюсов нашел много лучше стихов Марины Цветаевой» [28, с. 396].

См. также в мемуарном очерке Цветаевой «Премированный щенок»:

«Получать призы нужно было в “О-ве Свободной Эстетики”. Подробности стерлись. Помню только, что когда Брюсов объявил: “Первого не получил никто, первый же из двух вторых — г-жа Цветаева”, — по залу прошло недоумение, а по моему лицу усмешка. Затем читались, кажется Брюсовым же, стихи, после “премированных” (Ходасевич, Рафалович, я) — “удостоившиеся одобрения”, не помню чьи. Выдача самих призов производилась не на эстраде, а у входного столика, за которым что-то вписывала и выписывала милая, застенчивая, всегда все по возможности сглаживавшая и так выигрывавшая на фоне брюсовской жестокости — жена его, Жанна Матвеевна.

Приз — именной золотой жетон с черным Пегасом — непосредственно Брюсовым — из руки в руку — вручен. Хотя не в рукопожатии, но руки встретились! И я, продевая его сквозь цепочку браслета, громко и весело:

— Значит, я теперь — премированный щенок?

Ответный смех залы и — добрая — внезапная — волчья — улыбка Брюсова» [29, т. 4, с. 29].

На фоне многочисленных свидетельств труднообъясним следующий отрывок из письма В.Ф. Ахрамовича Э.К. Метнеру от 30 января / 12 февраля 1912 г.: «Слышали ли Вы о том, что Маргарита Васильевна <Сабашникова> получила на конкурсе поэтов в “эстетике” вторую (первая никому не была присуждена) награду, Ал. Сидоров — третью. Тема конкурсная стихотворение “А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах” (“Пир во вр<емя> чумы”))» (РГБ. Ф. 167. Карт. 13. Ед. хр. 16. Л. 8). Может быть, здесь речь шла о предварительных итогах, которые стали известны Ахрамовичу

приватным образом? Или он перепутал Цветаеву с Сабашниковой? Но как быть с переменной датой?

23 февраля 1912 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

Вечер будет посвящен современным русским композиторам (Петербург): г-же Ю. Вейсберг и гг. Ю. Винклеру, И. Стравинскому и М. Штейнбергу. Исполнителями выступят г-жи Е.А. Бекман-Щербина, П.Ж. Доберт и Е.А. Римская-Корсакова и гг. А.Г. Мец и П.И. Тихонов. Аккомпанировать будут Н.С. Жилиев и Ю.Н. Померанцев.

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 р.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 57 (Б.А. Садовскому).

Согласно отчету, присутствовали 88 человек. — *Отчет 11/12; Журнал посещений.* Л. 45об.–46. Выручено от продажи входных билетов 37 руб. (*Финотчет.* 11/12). Среди расходов — «музыка» (60 руб.), ужин артистов (15 руб.), аккомпанемент (5 руб.).

8 марта 1912 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

«Витольд Ахрамович прочтет отрывки из своего перевода (с рукописи) нового романа Станислава Пшибышевского “Сильный человек”.

Ю. Балтрушайтис прочтет ряд своих новых стихотворений.

С. Головачевский прочтет свои переводы стихов Шарля ван Лерберга».

Начало в 9 ½ ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 28 (И. С. Остроухову).

Согласно отчету, присутствовало 105 человек. — *Отчет 11/12.* Выручено от продажи входных билетов 25 руб. (*Финотчет.* 11/12).

Ср. в письме В.Ф. Ахрамовича Н.П. Киселеву от 7 марта 1912 г. (помета получателя): «Какая досада! Так мне хотелось быть в Спиритуалистическом обществе, и не могу. Я думал, что заседание будет в пятницу. Завтра эстетика, и я имею несчастье читать там свой перевод Пшибышевского» (РГБ. Ф. 128/III. Карт. 1. Ед. хр. 37. Л. 1).

15 марта 1912 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.

Вечер современных французских и немецких композиторов. Исполнители: А. Эль-Тур, А. Могилевский. В. Пакельман, В. Эмме, В. Кубацкий.

Присутствовал 81 человек. — *Отчет 11/12*. Выручено от продажи входных билетов 27 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12). Среди расходов — «Колос Ржи» (10 руб.), «аккомпанемент» (10 руб.), «артистам» (100 руб.), «служащим» (3 руб.), «ужин артистов» (2 руб.).

В этот день И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Сегодня у нас на Эстетике музыка, повестку я Вам послала» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 17об.).

26 апреля 1912 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1911–1912 гг.

Clavier-abend <нем. Сольный фортепианный концерт> К.Н. Игумнова.

Присутствовало 65 человек (*Журнал посещений*. Л. 47). — *Отчет 11/12*. Выручено от продажи входных билетов 9 руб. (*Финотчет*. 11/12). Среди расходов — «по счету Ларионова» (5 руб. 69 коп.).

4 октября 1912 (четверг).

Собрание комитета. Присутствовало 7 человек. Постановили отложить общее собрание на ноябрь. Решено сделать в октябре 2–3 собрания, из которых одно исполнительное. Договорились просить М.С. Неменову-Лунц устроить музыкальный вечер, посвященный Скрябину или Вагнеру или группе московских молодых композиторов. Выбор новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 71.

18 октября 1912 (четверг).

Первое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный произведениям Р. Вагнера. Исполнители П.Ж. Доберт и А.Я. Могилевский.

Присутствовало 60 человек. — *Отчет 12/13*.

25 октября 1912 (четверг).

Второе собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

А.Н. Толстой прочел 1 и 2 действия своей комедии «Лентяй».

Присутствовало 81 человек. — *Отчет 12/13*.

8 ноября 1912 (четверг).

Третье собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Гр. А.Н. Толстой прочел отрывки из своей новой повести.

Присутствовало 75 человек. — *Отчет 12/13*.

15 ноября 1912 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Н.А. Клюев прочел ряд своих стихотворений.
Присутствовало 64 человека. — *Отчет 12/13.*

22 ноября 1912 (четверг).

Пятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
В.А. Лукин исполнил на арфе свои сочинения.
Присутствовало 70 человек. — *Отчет 12/13.*

27 ноября 1912 (вторник).

Шестое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
В.Я. Брюсов прочел серию своих ненапечатанных юношеских и новых стихотворений.
Присутствовало 128 человек. — *Отчет 12/13.*
Не исключено, что в печатном отчете опечатка и вечер все-таки был назначен на традиционный четверг, 29-го.

7 декабря 1912 (пятница).

Заседание Комитета.
Присутствовало 9 человек. Решено пригласить С.П. Боброва исполнять обязанности секретаря. Обсуждение художественного конкурса. Планы устроить вечер музыкальной пантомимы с участием Ф. Коммиссаржевского. Планы инсценировать «Три разговора» В. Соловьева при участии А.М. Кожебаткина. План устройства вечера о Н. Сапунове и вечера И. Северянина.
Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 73

13 декабря 1912 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
Вечер, посвященный произведениям Л.Л. Сабанеева и А.А. Крейн.
Исполнители: П.Ж. Доберт, Е.А. Бекман-Щербина, М.С. Неменова-Лунц, Л.Л. Сабанеев, Д.С. Крейн и А.А. Крейн.
Присутствовало 96 человек. — *Отчет 12/13.*

20 декабря 1912 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.
Игорь Северянин прочел ряд своих стихотворений. В.Я. Брюсов прочел два своих стихотворения, посвященных Игорю Северянину.
Присутствовало 94 человека. — *Отчет 12/13.*
Брюсов пригласил Северянина выступить в Москве в начале декабря 1912 г. Северянин отвечал: «Я очень признателен Вам за честь мне оказанную, и, с истинным удовольствием, теперь же принимаю первое из Ваших любезных предложений: читать поэзы в "Обществе Свободной Эстетики".

Гонорар, Вами означенный, я, конечно, нахожу достаточным, но Вы простите меня за откровенность, я хотел бы просить половину его авансом — для дороги в Москву: у меня постоянное безденежье. Если аванс возможен, я каждый день в Вашем распоряжении, ожидая указания Вами свободного четверга» (письмо от 17 декабря 1912 г. Цит. по: [10, кн. 1. с. 626–627]. Брюсов выслал ему аванс, и 20 декабря, утром дня выступления, Северянин приехал в Москву.

В.Ф. Ходасевич писал в хронике: «Имя первого русского футуриста, основателя целой поэтической школы, собрало в минувший четверг на собрание О-ва Свободной Эстетики огромную толпу слушателей. Здесь были поэты всех толков, от невыскательных поклонников Ивана Белоусова до прилежных ритмистов из “Мусагета”. Были художники, молодые философы, нарядные дамы, не чуждые решительно ничему. Были почетные граждане скетинг-ринка, молодые утонченники с хризантемами в петлицах. Но вряд ли мы ошибемся, сказав, что поэзия Игоря Северянина до этого дня всем им была одинаково мало известна» (В.Х. Игорь Северянин // Русская молва. 1912. № 17, 25 дек. С. 7).

Известен отзыв Б. Пастернака в письме К.Г. Локсу от 23 декабря 1912 г.: «Как мало обещает сочетание слов: “Игорь Северянин”».

Между тем после двусмысленностей, колеблющихся между косметикой и акосмизмом, следует поэма, развернутая во всем великолепии ритмики и мелодичности, которая составлена из названий мороженого, пропетых гарсоном на площади под нестройный плещущий гомон столиков. В этом стихотворении при всей его вычурности на уровне первобытных наблюдений — схвачена печаль разнообразия — всякого разнообразия, — непокоренного целостностью. Что же касается дальнейших стихотворений, то в них уже — открытое море лирики. Пришлось забыть об Эстетике, ее серой обивке, ее мертвенности. Как жаль, что Вы не успели побывать на этом “четверге”» [14, т. 7, с. 134].

Об этом вечере вспоминал П.Н. Зайцев:

«Зимой 1913 года Брюсов пригласил Северянина выступить со стихами в Москве. Северянин явился. В “Эстетике” был устроен вечер его стихов. Не очень большой зал кружка, отведенный под вечер, не мог вместить всех желающих послушать поэта. Слушать модного лирического поэта-тенора собралась “вся Москва”, “цвет” и “сливки” буржуазной, художественной и литературной Москвы: поэты, эстеты, художники, фельетонисты из “Русского слова” и “Раннего утра” и — миллионерши Москвы... В зале благоухало духами, лучилось бриллиантами, модилось модами утонченных эстетических дам, любительниц всякой эстетики, и дендилось тоном и вкусом эстетов и денди с Чистых прудов и Собачьей площадки, затянутых тонко в визитки.

Брюсов открыл вечер и дал слово поэту. Игорь Северянин зачитал, да не зачитал, а запел свои стихи, которые он называл “поэзами”, и нужно сказать, исполнял он свои “поэзы” артистически, с блеском и мастерством.

Дамы были в упоении, они сидели и млели, и таяли от стихов и от голоса поэта, от его внешности, от его тонкой, в рюмочку стянутой талии. Поэт облачен был в ладно сшитый сюртук. Дам пленяло его “вдохновенное” чело, осененное гривой иссиня-черных волос.

Поэты желтели от зависти:

Хорошо, собака, читает! — говорком северянина (не поэта Северянина, а жителя северных губерний) окал цыганистый, жилистый, длиннорукий, седой Сергей Клычков, крестьянский поэт.

Игорь Северянин читал “Ананасы в шампанском”, “Шампанское в лилии”, “Мороженое из сирени” и “Под пудрой молитвенник в будуаре тоскующей, нарумяненной Нелли, а над ней — Поль де Кок”. Читал он, впрочем, и другие стихи, простые, хорошие, человеческие... Но маловато их было среди его будуарно-ликерно-парфюмерной поэзии “Крем де виолет”!..

Брюсов слушал и, вероятно, думал: “Накипь!” Накипь сойдет, поэт вырастет как человек и будет писать неплохие стихи» [5, с. 202–203].

Ср. в воспоминаниях Северянина: «<...> припомню кстати эпизод, происшедший в 1912 году в Москве за ужином после моего концерта в “Эстетике”. Присутствовавший на этом ужине ныне покойный профессор С.А. Венгеров, говоря о Надсоне, всячески его восхвалял и защищал от нападок моих и Валерия Брюсова, читавшего на моем вечере стихи, мне посвященные.

“Понимаете ли, — говорил Венгеров, — что, читая Надсона, чувствуешь не только тоску, но и ужас”. Тогда Брюсов саркастически заметил: “Если в темноте меня схватят за горло, я тоже почувствую ужас. Следует ли, однако, что этот ужас художественного происхождения?”» [22, т. 5, с. 20]. Ср.: «Мой дебют в “Эстетике” при лит.худ. кружке, состоявшийся на другой день после описанного мною визита к Брюсову, собрал много избранной публики, среди которой вспоминаю художников Гончарову и Ларионова, проф. Венгерова и др. Я прочел около тридцати стихотворений и был хорошо принят. После меня выступил Брюсов, прочитав свои стихи, мне посвященные. Читал он резким, неприятным и высоким голосом, как-то выкрикивая окончания строк. Но это было своеобразно, очень просто, и, конечно, исполнение его мне понравилось больше, чем замысловатое и пафосное чтение многих весьма именитых актрис и актеров, которого, откровенно говоря, я не выношу. После стихов дирекция кружка пригласила нас к ужину, во время которого мне пришлось быть объектом речей и то-стов» и далее [22, т. 5, с. 32].

1913**10 января 1913 (четверг).**

Девятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

А.К. Топорков прочел доклад «Лесной царь Вольфганга Гете». После доклада состоялись прения, в которых приняли участие М. Поливанов, Ф. Степун и др.

Присутствовало 53 человека. — *Отчет 12/13.*

Рукопись доклада сохранилась: РГБ. Ф. 190. Карт. 50. Ед. хр. 2. Текст напечатан: *Топорков А.* Лесной царь // Труды и дни. 1913. № 1/2. С. 8–18.

17 января 1913 (четверг).

Десятое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание, посвященное обсуждению дальнейшей деятельности Общества.

Присутствовало 14 человек. — *Отчет 12/13.*

Через день А.П. Трояновская, жена И.И. Трояновского, писала отсутствовавшей на заседании И.М. Брюсовой: «Очень мы боимся без Вас Валерия Брюсова. И в Эстетике без Вас скучно» (письмо от 19 января 1913 г. (дата по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 386. Карт. 156. Ед. хр. 38. Л. 7).

24 января 1913 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

В.И. Мозалевский прочел свой рассказ «Вивея».

Присутствовало 43 человека. — *Отчет 12/13.*

На следующий день А.П. Трояновская писала И.М. Брюсовой: «Дорогая Жанночка Матвеевна, вчера была эстетика, и Вас не было, и даже “Ваш” сказал, что он не знает, когда Вы вернетесь. Очень скучно. А “мой” все время прилипал к <М.С. Неменовой->Лунц; ходил с ней и сидел с ней. Каков мерзавец — с жидовкой связался! Читал Мозалевский — так себе» (письмо от 25 января 1913 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 18. Л. 1).

31 января 1913 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Ф.А. Степун прочел свои переводы из «Люцинды» Фридриха Шлегеля и сделал краткую характеристику его творчества. Докладчику возражал С.В. Лурье.

Присутствовало 88 человек. — *Отчет 12/13.*

7 февраля 1913 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Собрание было посвящено памяти Н. Н. Сапунова. Ф. Ф. Комиссаржевский прочел доклад о жизни и творчестве покойного художника. После доклада состоялся обмен мнениями, в котором приняли участие В.Я. Брюсов, А. Грищенко, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский и др.

Присутствовало 108 человек. — *Отчет 12/13.*

Об этом вечере вспоминал В.И. Мозалевский: «В 1913 (или в начале 1914 г.) в “Обществе свободной Эстетики” был вечер памяти театрального художника Сапунова, утонувшего совсем молодым в море в 1912 году.

Не помню, кто делился воспоминаниями об этом так мало успевшем раскрыть свой талант художнике (в Третьяковской галерее имеются его работы), но хорошо помню, что у стола президиума рядом с правленцами общества В.Я. Брюсовым, И.И. Трояновским внезапно появилась шумливая группка и просила (или требовала?) слова... Это были — “футуристы”, так вещал прошуршавший по собравшимся на “вечер” шепот.

Но кто же? Было, помнится, нескольких их. Маяковский и некий Грищенко (художник?), остальные — тогда были мало известны, проשמели их имена позднее, ненадолго. Слово, разумеется, было дано, ибо никто и нигде на всяких литературных собраниях и диспутах футуристам говорить не мешал, а, наоборот, кое-где кричали “просим!”.

Прошло сорок с лишним лет и мало правдиво звучали бы мои воспоминания, если бы я вздумал точно повторять, что говорил тогда оглушающе Маяковский. Но твердо помню, что он как и другие с ним из группы начал с извинения: “Сапунова, мол, мы не знали, к вечеру его памяти никакого отношения не имеем, но... долой “Мир искусства”, долой маркиз, XVIII век, долой таких художников, как Бенуа, Сомов, да и Сапунов... Новое искусство это мы...” далее следовала в пересказе платформа “Пощечины”, а потом выпятился Грищенко — обругал ряд современных художников (досталось впрочем не только художникам из “Мира искусств”, но и другим, не позабыты им были и Суриков, и Репин, и Серов и передвижники, конечно). Грищенко предлагал современным художникам учиться живописи у русских иконописцев XI–XIII веков и даже показывал принесенные им какие-то репродукции с икон.

Обладавший исключительным тактом мудрый В. Я. Брюсов дал этому выступлению быстро пролететь, как дыму от фейерверочной ракеты. Никто никому не оппонировал, собрание рассосалось. Кто-то упрекнул выступавших: “глупо порочить память Сапунова!”

Но другой кто-то, хорошо знавший Сапунова, как остряка и “эпататора” буржуа, возразил: “полноте! если бы Сапунов был в публике, он аплодировал бы им, эта эскапада как раз в духе покойного» [12, с. 73–74].

14 февраля 1913 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание.

«Предполагается участие действительных членов, Д.Г. Шварц и Э.А. Гизико».

Начало в 9 ½ ч. веч.

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 27 (И.С. Остроухову).

В отчете подтверждается участие Э.А. Гизико (скрипка) и сообщается, что присутствовало 30 человек. — *Отчет 12/13.*

21 февраля 1913 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Собрание, посвященное произведениям Валерия Брюсова, положенным на музыку. В музыкальном отделе участвовали: Е.Г. Озерская, Л.Н. Балановская, В.К. Гончарова, П.Ж. Доберт, Ф.Л. Халиевская, Н.З. Райский и Ф.Б. Павловский. В литературном отделении участвовали В.В. Барановская и В.И. Качалов; кроме того, В.Я. Брюсов прочел свое новое стихотворение.

Присутствовало 218 человек. — *Отчет 12/13.*

Сохранилась программа, вручавшаяся, очевидно, непосредственно на собрании:

«Отделение I.

1. Ф. Гартман. 4 стихотворения из Авсония. Исполнит Е.Г. Азерская.

2. Л. Яворский. “Дальше”. Исполнит В.К. Гончарова.

3. В. Ребиков. На комете, “И ночи и дни примелькались...”.

А. Гречанинов. Снежинки, Палочка-выручалочка. Исполнит П.Ж. Доберт.

4. С. Василенко. В склепе. Исполнит Н.З. Райский.

5. В. Ребиков. “Я помню вечер...”.

С. Василенко. Заклинание.

Р. Глиэр. Белый месяц (из Верлена). Исполнит Ф.Л. Халиевская.

Отделение II.

1. Ю. Энгель. Каменщик.

А. Гречанинов. Песня сборщиков.

Исполнит Ф.Б. Павловский.

2. Э. Купэр. “Огромный черный сон...” (из Верлена). Исполнит Л.Н. Балановская.

Стихотворения прочтут В.В. Барановская и В.И. Качалов

(РГБ. Ф. 386. Карт. 122. Ед. хр. 17. Л. 49).

Вероятно, к этому вечеру относится эпизод, о котором вспоминал С.В. Шервинский: «На одном из вечеров “Эстетики” произошел такой

случай: стихи Брюсова читал, кроме автора, Качалов. Брюсов сидел в зале, где-то посередине. Качалов читал по напечатанному тексту. Это были стихи “Sed non satiatius” (“Всё еще не сытый”) из сборника “Семь цветов радуги”. Замшевый голос Качалова подходил к концу первой строфы:

Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — высотой, глубиной!
Что же мне делать, когда не пресыщен
Я — тайной муки страстной!

Качалов не услышал, что, подчиняясь общему ритму стихотворения, слова “тайной” становится безударным. Он пошел по ямбическому следу и прочел:

Я — тайной муки страстной!

В это мгновение я почувствовал сзади у самого своего уха дыхание и отрывистый шепот “мэтра”:

— Пожалейте хоть Вы меня!..

Актерская слава плачевно столкнулась с поэтической» [30, с. 239–240].

7 марта 1913 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Закрытое собрание, посвященное обсуждению условий устраиваемых Обществом конкурсов.

Присутствовало 6 человек. — *Отчет 12/13.*

14 марта 1913 (четверг).

Семнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг.

Экстренное собрание, посвященное произведениям Брамса. Собрание состоялось в зале Общества Любителей художеств. Исполнители: П.Ж. Доберт, К.Н. Игумнов, В.И. Кубацкий, А.Я. Могилевский, В.И. Пакельман, Ю.Н. Померанцев и В.В. Эмме.

Присутствовало 144 человека. — *Отчет 12/13.*

21 марта 1913 (четверг).

Восемнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

В.Я. Брюсов прочел свои новые переводы стихов Эдгара По и ряд других переводных стихотворений.

Присутствовало 84 человека. — *Отчет 12/13.*

28 марта 1913 (четверг).

Девятнадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный произведениям Г.Л. Катуара. Исполнители: А. Ян-Рубан, В. Кубацкий, Л. Конюс, А. Могилевский, В. Пакельман, В. Эмме.

Присутствовало 106 человек. — *Отчет 12/13.*

4 апреля 1913 (четверг)

Двадцатое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Программа.

I.

1. Шотландская народная песня и ее гармонизация. Прочтет гр. С. Толстой.

2. Шотландские народные песни с фортепианным сопровождением гр. С. Толстого.

Исполнят А.М. Ян Рубан и Е.И. Арфина. Аккомпанирует автор.

II.

Будут прочтены баллады, доставленные на III конкурс О-ва.

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 65 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 746. Карт. 38. Ед. хр. 60. Л. 1 (М.О. Гершензону); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 11 (В.Я. Брюсову).

Условия конкурса баллад (итоги которому подводятся на этом заседании):

**«ТРЕТИЙ КОНКУРС ОБЩЕСТВА СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ
ОБЩЕСТВО СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС БАЛЛАД.**

Условия конкурса.

1. В конкурсе могут принять участие как члены, так и не члены Общества.

2. Каждому участнику конкурса предоставляется прислать не свыше одной баллады.

3. Баллады должны быть доставлены без подписи, но под девизом. Под тем же девизом, вместе с баллагою, должно быть доставлено закрытое письмо, содержащее в себе имя, отчество, фамилию и адрес автора.

4. “Баллада” разумеется здесь в том смысле, какой придавали и придают этому слову французские поэты. Желательно, чтобы баллада была написана в форме наиболее популярных баллад Франсуа Виллона.

Примечание 1. Большинство баллад Фр. Виллона написано восьмисложным стихом (которому по-русски соответствует четырехстопный ямб) в трех строфах, каждая из восьми стихов, с посылкой (envoi) из четырех стихов. Во всей балладе допускаются только три рифмы, расположение которых обычно следующее в каждой строфе — a b a b c b c, a в envoi —

b c b c или — a c a c. Последний стих каждой строфы и последний стих envoi должны быть совершенно тождественны.

Примечание 2. Допускаются на конкурс и более сложные формы баллады, напр., со строфами из 10 стихов каждая (при четырех рифмах) и с envoi в 5 стихов, с непременным условием, чтобы в балладе было не более трех строф и одной посылки.

5. Присланные баллады будут рассматриваться Комитетом Общества.

6. Общество ассигнует на выдачу премий за лучшие баллады 100 р., которые, по усмотрению Комитета, могут быть выданы одному лицу или распределены между несколькими (причем наименьший размер премии назначается в 25 р.).

7. Все премированные баллады будут прочитаны на очередном собрании Общества.

8. Авторам не премированных баллад предоставляется на выбор: или взять свои рукописи обратно (вместе с нераспечатанными конвертами, содержащими имя и адрес автора) или предоставить рукописи в распоряжение Комитета, который в таком случае имеет право прочитать присланные баллады (все или избранные) на очередном собрании Общества.

9. Рукописи должны быть доставлены на имя члена Комитета В.Я. Брюсова (Москва, 1 Мещанская, 32) не позже 15 марта с.г. После 21 марта авторам предоставляется в течение 5 дней получить обратно не премированные рукописи.

10. Конкурс будет считаться состоявшимся, если будет доставлено не менее 5 баллад»

(РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 9; опубл.: [2, с. 204–205]).

В отчете говорилось: «Были оглашены результаты III конкурса Общества, конкурса баллад. Были выданы присужденные Комитетом премии за 4 признанные лучшими баллады. Премии (25 руб.) получили: К.А. Липскеров, Н.Г. Львова, Е.А. Сырейщикова и С.В. Шервинский. Затем были прочитаны все доставленные на конкурс баллады (всего 22) и вне конкурса В.Я. Брюсовым. Присутствовало 127 человек» (*Отчет 12/13*). По экземпляру условий конкурса, сохранившемуся в архиве К.А. Липскерова (РГАЛИ. Ф. 1737. Оп. 1. Ед. хр. 329), известно название его победившей баллады: «Ветер повечерья».

25 апреля 1913 (четверг).

Двадцать первое собрание сезона 1912–1913 гг. — ЛХК.

Н. Бернер прочел доклад «Весна или Осень в русской поэзии». Б. Лавренев прочел послесловие к докладу. После докладов состоялись прения, в которых участвовали: А.А. Альвинг, В.Я. Брюсов, П.Н. Зайцев, Малиновский, В.Г. Шершеневич и др.

Присутствовало 53 человека. — *Отчет 12/13.*

Стенограмма доклада напечатана: «Весна или Осень в русской поэзии?» // Киевская рампа. 1913. № 14, 9 июня. С. 4–6; редакция сообщила в примечании, что «на чтении присутствовали Валерий Брюсов и Арс. Альвинг (представители символизма), и эго-футуристы: Маяковский, Лавренев и Вадим Шершеневич». Ср. письмо В. Ходасевича к Б. Садовскому от 2 мая 1913 г.: «В четверг на Фоминой милый мальчик Бернер читал в эстетике реферат о грядущих судьбах и прочем. Вздор молот даже удивительный. Никак я не ожидал, что он такой глупеньш. Вал<ерий> Як<овлевич> оборвал ему уши. Он чуть не плакал (буквально) и в припадке отчаяния заявил, что “Брюсов вечно все подтасовывает”. Тот, кажется, даже не рассердился» [16, с. 15].

Ср. в воспоминаниях П.Н. Зайцева: «Весной 1913 года в Литературно-художественном кружке в Москве “Общество свободной эстетики” устроило диспут о новейших течениях в поэзии. Поэты-докладчики от имени новой поэтической школы (припоминаются только имена двух: Н. Бернера и Б. Лавренева, тогда еще поэта) громили символистов и манифестировали свое “кредо”. Председательствовал Валерий Брюсов. Облаченный, как в рыцарские доспехи, в свой черный сюртук и бесстрастно сложив руки на груди, он сидел в председательском кресле и самоотверженно принимал на себя удары юных громителей.

Когда доклады кончились, Брюсов объявил перерыв. Толпа слушателей хлынула в соседние залы, дамы, шурша шелками и атласами модных платьев, мужчины — гремя крахмалами пластронов...

Леопардовой легкой поступью заскользил вдоль этой пестрой и утонченной публики Брюсов. Он подходил то к одному, то к другому — записать оппонентов для прений.

— Вы будете выступать? — вежливо звучал его хрипловатый, клекочущий голос, и, черкнув карандашиком в книжку фамилию, он также легко скользил дальше. Вот он подошел к одной из дверей, приоткрыл ее и, заглянув, быстро закрыл и пошел дальше.

“Почему же он не вошел туда?” — задал я себе вопрос. И, признаюсь, какое-то смутное любопытство повлекло меня к этой двери. Что это за комната Синей Бороды? Я направился к двери и, открыв ее, вошел внутрь.

Зал, куда я попал, был полуосвещен и по контрасту с соседним казался пустынным. Только в центре его, в смугло-оранжевом сумраке, плотным кружком стояла кучка молодых людей, напоминавшая кружок молодых заговорщиков. Я подошел поближе. В центре круга, освещенный неполным светом люстры и возвышаясь на целую голову над окружающими, стоял молодой человек и читал стихи. Он погрохатывал юношеским баском, скандируя твердо, размеренно звучащие странные рифмы:

Угрюмый дождь скосил глаза
 А за
 Решеткой
 Четкой
 Железной мысли проводов —
 Перина...

Я тихо спросил у одного из слушателей:

— Кто это?

— Маяковский, — так же тихо ответили мне.

Молодой поэт прочитал и другие стихи. Лицо его мне тогда не запомнилось, но запомнился голос, фамилия и отдельные строки, образы и... рост.

И вся его полуосвященная фигура, и все окружающие совсем не напоминали мне обычную публику “Эстетики”: казалось, происходила какая-то импровизация, инсценировка в стиле комедии дель арте, что составляло резкий контраст с соседними залами, блиставшими ярким светом и заполнениями нарядами дам. И то, что молодой поэт возвышался над остальными, делало его похожим на вождя молодой фаланги единомышленников (хотя в те годы Маяковскому еще не исполнилось и двадцати лет).

Не от этой ли кучки молодежи отпрянул Брюсов, прикрыв за собой осторожно дверь?...» [5, с. 221–223].

7 мая 1913 (вторник).

Двадцать второе экстренное собрание сезона 1912–1913 г. — ЛХК.

Посвящено приезду К.Д. Бальмонта.

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестка: РГБ. Ф. 746. Карг. 38. Ед. хр. 60. Л. 2 (М.О. Гершензону).

Экстренное собрание в честь приезда К.Д. Бальмонта. Были сказаны приветствия К.Д. Бальмонту от Общества В.Я. Брюсовым, от о-ва Любителей Российской Словесности (по поручению председателя о-ва А.Е. Грузинского), от Литературно-художественного кружка И.И. Поповым, от книгоиздательства «Мусaget» В.Ф. Ахрамовичем, от книгоиздательства «Лирика» С.Н. Дурьлиным и др. К.Д. Бальмонтом были прочтены его новые стихотворения. Присутствовало 212 человек.

В заключение Обществом объявлен конкурс картин и рисунков на тему «Иосиф и жена Пентефрия».

Отчет 12/13.

В «Известиях Литературно-художественного кружка» писалось: «7 мая в большом зале Кружка происходило заседание Общества Свободной Эстетики, посвященное чествованию *К.Д. Бальмонта*, по случаю возвращения его в Россию. От имени Кружка на этом заседании приветствие К.Д. Бальмонту произнес И.И. Попов. К.Д. Бальмонт по просьбе Дирекции внес свою запись в “Золотую книгу” Кружка» (*ИЛХК*. 1913. Окт. С. 35).

Об этом собрании сохранились многочисленные свидетельства, благодаря случившемуся на нем скандалу; ср.: «Не обошлось и без футуриста. Выступил “сам” Маяковский, глава и вдохновитель московских футуристов» (*Б.п.* К.Д. Бальмонт у эстетов // Утро России. 1913. № 105, 8 мая. С. 4); «Некоторое замешательство в собрании вызывает выступление неофутуриста г. Маяковского, стяжавшего известность на диспутах “валетов”.

Г-н Маяковский начинает с того, что спрашивает г. Бальмонта, не удивляет ли его то, что все приветствия исходят от лиц, ему близко знакомых, или соратников по поэзии.

Г-н Маяковский приветствует поэта от имени его врагов:

— Когда вы, — говорит он, — начнете знакомиться с русской жизнью, то вы столкнетесь с нашей голой ненавистью. В свое время и нам были близки ваши искания, ваши плавные, мерные, как качалки и турецкие диваны, стихи. Вы пели о России — отживающих дворянских усадьбах и голых, бесплодных полях. Мы, молодежь, поэты будущего, не воспеваем всего этого. Наша лира звучит о днях современных. Мы слитны с жизнью. Вы входили по шатким, скрипящим ступеням на древние башни и смотрели отсюда в эмалевые дали. Но теперь в верхних этажах этих башен приютились конторы компаний швейных машин, в эмалевых далях совершаются “звездные” пробеги автомобилей» (*Б.п.* Чествование К.Д. Бальмонта // Русское слово. 1913. № 105, 8 мая. С. 6); «Зачем пришел на праздник г. Маяковский, и конечно, “не в брачных одеждах”, зачем счел, что и “враг”, как он сам себя аттестовал, должен быть на радостной встрече друзей, — я не умею вам сказать. Вероятно, и этот момент показался подходящим для “манифеста”. Должен отдать г. Маяковскому справедливость, — какой он поэт, я судить не берусь, но он — оратор. Говорить он умеет. И красиво, и выразительно. Его слушали и ему аплодировали, хотя вряд ли сочувствовали тому, что он говорил, да еще в такой неподходящий момент» (*Чужой* <Брусилковский И.К.?.>. На чествовании К.Д. Бальмонта // Современное слово. 1913. № 1915, 10 мая. С. 2); ср. также: [33, с. 32].

В этот же день И.Н. Розанов записывал в дневнике: «Вечер на Свободной Эстетике. Чествование возвратившегося после 7-летнего изгнания Бальмонта. Опоздал к началу. Бальмонт сам, его жена. Стихи Бальмонта и его манера чтения все те же, что и раньше. В публике здоровался с 1) Филатов 2) Ходасевич, 3) Охримович <так!>, 4) Илья Блох 5) Кожебаткин, 6) Каллаш,

7) Сулханова, 8) учительница от Ржевской Щербакова 9) бывшая ученица Ковальская. Среди футуристов бывшая ученица Михайлова. Была и Серпинская. Выступление Маяковского» [2, с. 207–208]; там же комментарий к поименованным лицам.

О выступлении Маяковского на этом вечере вспоминал К. Зелинский:

«Общество свободной эстетики» помещалось в особняке, находившемся на Большой Дмитровке наискосок направо против Столешникова переулка. Теперь, когда я прохожу мимо этого дома, где помещается Прокуратура СССР и который из двухэтажного превратился в четырехэтажный, я вспоминаю о том, как четыре с лишком десятилетия тому назад вместе с Шурой Метнером мы подымались по широкой лестнице, устланной ковром, среди ярких огней в зал на втором этаже. <...>

Бальмонта публика встретила шумной овацией. Ему долго аплодировали и не давали говорить. Поэт был поистине хорош в своем длиннополом сюртуке, с огромным белым махровым цветком в петлице. Его волосы, редкого по красоте цвета — действительно, темной бронзы, были откинута назад и падали волнами. Роста был Бальмонт невысокого и поэтому, вероятно, держался, закидывая голову назад, петушком, стремясь казаться выше. <...>

Председательствовал Валерий Брюсов. <...> Как бы подчеркивая свою объективность, он по очереди давал слово поэтам, представлявшим различные группы, адвокатам и меценатам. На столе и возле стола президиума уже образовался целый зимний сад из корзин цветов, которые были поднесены Бальмонту, когда поднялся Брюсов, в своем черном строгом сюртуке, и в спокойной, почти бесстрастной манере сказал:

— Слово предоставляется представителю футуристов господину Маяковскому.

Зал зашумел, и пока Маяковский пробирался к столу, шум и движение в зале не прекращались. Но скандала, которого, по-видимому, ждали, не случилось. Маяковский произнес речь, которая, видимо, была им заранее хорошо продумана; в ней не чувствовалось желаний произвести какой-то бум» и т.д. [6, с. 127, 128, 129]; ср. также: [27, с. 103].

Ср. в позднем интервью Р.О. Якобсона:

«Якобсон. И я был. Причем в Общество свободной эстетики запрещалось ходить ученикам средних учебных заведений. И я пошел в штатском туда. У меня не было штатского, я у кого-то занял. И там сидела в первом ряду Лиля с Осипом Максимовичем, который очень аплодировал Бальмонту и Брюсову. А затем... А затем встал... Это было одно из самых, я должен сказать, эффектных выступлений Маяковского, которое я только в жизни видел. Он встал, оперся так на стол и сказал (*имитирует голос и интонацию*): “Константин Дмитриевич, Вы слышали приветствия от Ваших друзей и почитателей, выслушайте приветствия и от Ваших

врагов”. И потом: “Когда-то Ваша поэзия казалась нам — под качалками, в усадьбах...” — и так далее, и так далее, все это он говорил. — “А теперь звучат новые стихи”. Он что-то такое прочел, кажется “Шумы города” свои, что-то такое из Хлебникова процитировал. И тогда встал Брюсов, *страшно рассерженный*, и говорит (*подражает*): “Мы собрались здесь, чтобы чествовать, а не ругать Константина Дмитриевича”. И тогда Бальмонт его несколько отстранил и прочел *чудесный* экспромт на то, что мы можем ссориться сколько угодно, но мы все уж братья по поэзии, мы оба в лазури. (*Смеются.*) И эти стихи он дал, между прочим, — этот автограф был у Маяковского» [25, с. 313].

Ср. в письме Ходасевича к Садовскому от 25 мая: «Бальмонт обходителен. Меня почтил, но, кажется, не поумнел. Стихи читал на своем “юбилее” просто ужасные. Поклонники кисли, я зевал во всю глотку» [16, с. 17–18]. Рюрик Ивнев позже вспоминал, что он был среди выступавших в этот день: «Тогда в Обществе свободной эстетики я читал свою оду, посвященную Бальмонту, стихи которого очаровывали меня» [7, с. 157–158]. Предварительные материалы к библиографии отзывов об эпизоде см.: [19, с. 134–137], [10, кн. 1, с. 533–535].

О судьбе объявленного конкурса сведений у нас нет (см., впрочем, *24 октября 1913*). Единственный известный след отклика на него — недатированное письмо В.А. Фаворского к жене: «<...> сегодня в газетах прочел немного взволновавшую меня новость, что Кружком свободной эстетики назначен конкурс, тема — “Жена Пентефрия и Прекрасный Иосиф”. Жюри: Грабарь, Сомов и т. п., срок 1 октября; конечно, едва ли буду делать — уж очень больно тема чудная. Но я художник, а всякий конкурс — вызов художнику всякому» [26, с. 116].

3 октября 1913 (четверг).

Годичное собрание членов общества. — ЛХК.

«Предметы занятий:

заслушание и утверждение Отчета за 1912–1913 операционный год.

выбор 6 членов Комитета и 3 кандидатов к ним на сезон 1913–1914 г.,

выбор 6 членов Ревизионной комиссии на сезон 1913–1914 г.,

доклад Комитета (прежнего состава) о его подготовительных работах в связи с деятельностью О-ва в 1913–1914 г.,

текущие дела».

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 9 (И.С. Остроухову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

10 октября 1913 (четверг).

Первое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вячеслав Иванов прочтет доклад «Несколько мыслей о символическом искусстве».

Начало в 9 ½ час. вечера.

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 11 (И.С. Остроухову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь*.

В отчете сообщалось: «После доклада состоялись прения, в которых приняли участие В.Я. Брюсов, С.Н. Булгаков, К.Д. Бальмонт, Ф.А. Степун. Присутствовало 135 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 37 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

М.М. Замятнина, домоправительница Вяч. Иванова, записала в дневнике 4 октября: «<...> приехала к нам Иоанна Матвеевна Брюсова, просить Вячеслава прочесть реферат в Эстетике 10-го этого месяца, когда открытие в этом году сезона. Благо Вячеслав начал уже писать для “Трудов и дней” статью, кот<орую> и прочтет в виде реф<ерата>. Вяч. согласился» (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 107об.–108). Она же 9-го фиксирует окончание работы над докладом: «Вячеслав доканчивает диктовать свой реферат для Эстетики, кот<орый> понемногу диктовал последние дни» (Там же. Л. 109). Речь идет о статье, которая позже получит название «О границах искусства» (впервые: Труды и дни. 1914. № 7. С. 81–106); ее Иванов начал диктовать Замятниной за день до визита И.М. Брюсовой (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 107).

Вероятно, к этому выступлению Иванова относится недатированное письмо Г.Э. Тастевена к Г.И. Чулкову: «Вячеслав Иванов читал реферат в Эстетике в присутствии Бальмонта и Брюсова, которые отнеслись к чтению крайне отрицательно и отказались возражать. Однако В.И. сумел с бесподобным изяществом завязать беседу и всех посадить в калошу» (РГБ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 70. Л. 35–36об.).

17 октября 1913 (четверг).

Второе собрание сезона 1913–1914 гг.

Федор Степун прочтет доклад, озаглавленный: «О некоторых опасностях современной русской литературы».

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 10 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 4 (Вяч. Иванову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь*.

В отчете сообщалось: «После доклада состоялись прения, в которых участвовали А.К. Топорков, М.Ф. Ларионов, В.В. Маяковский, В.Г. Шершеневич. Присутствовало 118 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 38 руб. (*Финотчет. 13/14*).

24 октября 1913 (четверг).

Третье собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«К.Д. Бальмонт прочтет ряд стихов из своей новой книги “Белый Зодчий”».

Начало в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

«P.S. Комитет О-ва Свободной Эстетики объявляет, что срок доставки картин и рисунков на *второй конкурс* О-ва переносится на 1 февраля 1914 года» (вероятно, речь о конкурсе, объявленном 7 мая 1913).

Повестка: РГБ. Ф. 746. Карг. 38. Ед. хр. 60. Л. 3 (М.О. Гершензону). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

К.Д. Бальмонт прочел ряд стихотворений из своей новой книги «Белый Зодчий». Присутствовало 185 человек (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 68 руб. (*Финотчет. 13/14*).

Сохранился газетный отчет:

«Вчера, в обществе свободной эстетики К.Д. Бальмонт прочитал несколько стихотворений из своей новой книги “Белый Зодчий”, которая на днях выходит из печати.

Кроме того, К.Д. Бальмонт прочитал еще семь малайских заговоров: заговор привлекающий, заговор о сердце, заговор к духу земли, заговор к теневому, заговор о ступне, заговор любовный и заговор о памяти.

В кратком вступлении поэт отметил странное сходство этих заговоров с заговорами русскими, которые К.Д. Бальмонт считает не менее замечательными, чем ассирийские.

Среди публики В.Я. Брюсов, художники П.В. Кузнецов, Сарьян, Леблан, М.Ф. Ларионов, окруженный своими верными футуристами и мечтающий о грядущих скандалах, еще более грандиозных, чем побоище в “Розовом фонаре”» (*Б.п. В «Эстетике» // Голос Москвы. 1913. № 246, 25 окт. С. 5; «Розовый фонарь» — московское кабаре, открытие которого сопровождалось гомерическим скандалом*).

Возможно, к этому вечеру относится следующий эпизод: «Помню вечер в “Свободной эстетике” (общество, объединявшее или пытавшееся объединить левых деятелей искусства). В порядке дня чтение Бальмонтом новых стихов. Присутствовали почти все наличные в Москве поэты, кроме Брюсова, с которым Бальмонт несколько дней назад повздорил. Бальмонт опаздывает, как почти всегда. Наконец он появляется, надменный, с орхидеей в петлице, держа вперед свою бородку, он “восходит” по лестнице Литературного кружка. Его встречает председатель “Свободной эстетики” милейший доктор Иван Иванович Трояновский... Он начинает говорить ему

приветствие. Бальмонт высокомерно, с видом “царя от поэзии” его перебивает: “Кто вы такой?” Смущенный Трояновский пробормотал: “Я... доктор” (Бальмонт прекрасно знал, кто такой Трояновский.) “Меня должен встречать не доктор, а поэт”, — с вескостью отчеканивает Бальмонт и восходит далее, не удостоив выслушать приветствия. Сущность была в том, что он ожидал, что его встретит Брюсов, а тот не явился, получилось дипломатическое осложнение» [20, с. 134] (впрочем, согласно приведенному выше отчету, Брюсов на вечере все-таки присутствовал).

31 октября 1913 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«Вечер посвящается произведениям К.Д. Бальмонта, положенным на музыку. Участвуют: Л.Н. Балановская, Ф.С. Вахман, В.К. Гончарова, П.Ж. Доберт, Ф.Б. Павловский, Н.Г. Райский, Ф.Л. Халиевская».

Начало в 10 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 1 руб.

В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей.

«P.S. Комитет О-ва Свободной эстетики объявляет, что срок доставки картин и *рисунков* на второй конкурс О-ва переносится на 1 февраля 1914 г.».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 2. Л. 16 (Вяч. Иванову). — *ИЛХК. 1913. Ноябрь.*

Согласно отчету, в вечере участвовали все, кто был заявлен в повестке. Присутствовало 163 человека (*Отчет 13/14*). См. также: *ИЛХК. 1914. Янв.* Выручено от продажи входных билетов 110 руб. 35 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «за автомобиль для артистов» (2 р. 50 коп.), «артистам» (50 руб.), «ужин артистов» (15 руб. 50 коп.).

Известен подробный газетный отчет:

«Вчера <! — надо: позавчера> состоялся музыкальный вечер из романсов, написанных на тексты стихотворений Бальмонта, устроенный обществом “Свободной эстетики”. <...> Исполнены были романсы Эмилия Купера — очень музыкальные, хотя не блещущие оригинальностью замысла, но тонкие по настроению и стилю; романсы Яворского, Глиера, Рахманинова, Александра Крейна. В исполнении принимали участие отличные артисты, в том числе Балановская, Райский, Вахман, Доберт. Вечер начался очень поздно, в половине двенадцатого, ибо ожидали Бальмонта, который должен был явиться со своей лекции. Все исполненные романсы имели большой успех. По желанию Бальмонта был повторен особенно понравившийся ему романс А. Крейна — “У моря ночью”.

По окончании музыкального отделения состоялся ужин, во время которого Бальмонт и Брюсов прочитали несколько своих новых стихотворений.

Настроение вечера было несколько испорчено очередным выступлением “футуристов”. Г. Маяковский в грубой форме объявил об отсталости бальмонтовского творчества. Остановленный в резкой форме В. Брюсовым, он покинул помещение» (*Б.л.* Бальмонтовский вечер // *Голос Москвы*. 1913. № 253, 2 нояб. С. 5).

Ср.: «“Рыжий русской литературы”, футурист г. Маяковский (как известно, сам принявший такое имя) третьего дня произвел новый скандал — на этот раз в обществе свободной эстетики.

В этот вечер в о-ве свободной эстетики выступали артисты Императорских театров, К. Д. Бальмонт и В. Брюсов.

В качестве гостей пришли, конечно, и эго-футуристы: Ларионов, Большаков, Маяковский и Бурлюк.

Во время банкета, когда произносились различные тосты о “единении”, неожиданно “выступил” в желтой рубашке г. Маяковский.

Содержание “пасквиля” г. Маяковского на этот раз было такое:

— Общество свободной эстетики, мол, потому свободное, что в нем свободно только... своим...

Футуристу дал отповедь г. Брюсов, указавший на то, что гостям надлежит себя держать в гостях... прилично.

Г. Маяковский обиделся и отрезал:

— Тогда до свидания! Я ухожу.

— Кто сказал до свидания? — спросил один из присутствовавших.

— Известный поэт Маяковский! — ответил, уходя, г. Маяковский.

— Мы такого не знаем в России! — заметил г. Брюсов.

Инцидент на этом и закончился, хотя от футуристов ожидали большего» (*Б.л.* Выступление «рыжего» // *Раннее утро*. 1913. № 253, 2 нояб. С. 4). А.В. Крусанов датирует этот вечер 1 ноября: [10, кн. 2, с. 76–77].

7 ноября 1913 (четверг).

Заседание правления.

ИЛХК. 1914. Янв. В финансовом отчете значится «чай для членов комитета» (2 руб. 45 коп.) (*Финотчет*. 13/14).

14 ноября 1913 (четверг).

Пятое (закрытое) собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«Валерий Брюсов прочтет цикл своих новых стихотворений из книги “Сны человечества” — лирические отражения жизни всех народов и всех времен».

Начало в 9 ½ часов веч.

«Вход имеют исключительно гг. Члены О-ва. — Гости могут быть допущены только по именованным приглашениям, подписанным одним из членов

Комитета О-ва. Такие приглашения должны быть получены заблаговременно и при входе на собрание не выдаются».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 18 (Вяч. Иванову). Черновик повестки рукой В.Я. Брюсова: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 22.

В отчете сообщалось, что присутствовало 96 человек.

Отчет 13/14; см. также: *ИЛХК. 1914. Янв.* Выручено от продажи входных билетов 44 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

В газетном отчете писалось: «Основная идея “Снов человечества” — отображение лирики всех времен и народов, от наивной поэзии первобытных племен до утонченных претворений сложных переживаний человеческой души наших дней <...>»

Размеры “Снов человечества”, конечно, колоссальны, — в этот цикл войдет не менее 3000 стихотворений.

— Здание, воздвигаемое мною, — говорил Брюсов во вступительном <слове> перед чтением “Снов человечества”, — так велико, что я не знаю, успею ли я его достроить.

Сначала поэт хотел осуществить свою мысль, дав отдельные переводы наиболее типичных для каждой эпохи авторов.

Но затем изменил это намерение. Исходя из тех соображений, что в каждом поэте индивидуальность превалирует над временем, и стремясь дать полную картину переживаний не отдельных личностей, но всего человечества, Брюсов отказался от переводов, решил передать лирику всех времен в своем собственном претворении.

Что же касается языка “Снов человечества”, то в этом отношении целью автора, по его собственным словам, было показать, как выразил бы свои чувства тот или иной поэт, если бы он писал на языке Пушкина и наших прозаиков-классиков» (*Б.л. «Сны человечества» // Русское слово. 1913. № 265, 16 нояб. С. 7*).

25 ноября 1913 (понедельник).

Шестое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вечер Клода Дебюсси. Программа:

«I отделение.

Premier quatour op. 10.

1. Animé et très décidé.

2. Assez vif et bien rythmé.

3. Andantino. Doucement et expressif.

4. Très modéré. Très mouvementé et avec passion. Très animé.

Исп. А. Могилевский, В. Паксльман, В. Эмме, В. Кубацкий.

II отделение.

1. Récit. et air de Lia extrait de «l'enfant prodigue»

Les cloches.
 Mandoline.
 Исп. В. Философова.
 2. Reflets dans l'eau.
 Hommage a Romeau.
 Poisson d'or.
 Pagodes.
 La soirée dans Grenade.
 Jardins sous la pluie.
 Ondine.
 La serenade interrompue.
 L'isle joyeuse.
 Исп. Е. Бекман-Щербина».

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 26. Л. 66 (Б.А. Садовскому).
 К вечеру были отпечатаны особые билеты, в т.ч. «почетные»:

«Почетный билет
 чествование Клода Дебюсси
 25 ноября 1913.

Помещение Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка,
 д. Востряковых)
 Начало в 10 ½ час. веч.»

(РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1; отправлен И.С. Остроухову).

Позже, впрочем, время пришлось скорректировать: 21 ноября было разослано дополнительное извещение: «Комитет Общества Свободной Эстетики извещает Вас, что начало концерта и чествования Клода Дебюсси в понедельник 25 ноября переносится на 8 час. вечера, к каковому времени покорнейше просит Вас прибыть (Помещение Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, дом Востряковых))» (РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 26 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 22 (Вяч. Иванову)).

Известен другой вариант повестки, с подзаголовком «Шестое экстренное собрание сезона 1913–1914 г.», без подробной программы, лишь с упоминанием исполнителей (концертное отделение из произведений Кл. Дебюсси (исполнители: Е.А. Бекман-Щербина, В.Д. Философова и квартет Александра Могилевского)), с отдельным пунктом «Принесение приветов от разных учреждений и обществ» и постскриптумами.

Начало в 9 ½ часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 1 руб.

По окончании чествования предполагается подписной ужин, по 5 руб. с персоны. Подписка на ужин принимается в Литературно-Художественном Кружке от 7 до 12 час. вечера до 23 ноября включительно.

«P.S. Комитет О-ва Свободной эстетики объявляет, что срок доставки картин и рисунков на второй конкурс О-ва переносится на 1 февраля 1914 г.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 23 (Вяч. Иванову)).

В отчете говорилось: «Были исполнены сочинения К. Дебюсси квартетом Могилевского и др., принесены приветствия от многих организаций, музыкальных и литературных. После чествования состоялся подписной ужин. Присутствовало 250 человек» (*Отчет 13/14*). Выручено от продажи входных билетов 194 руб. 40 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «уплачено за пользование помещением» (125 руб.), «артистам» (100 руб.)

ИЛХК. 1914. Янв.

Известен газетный репортаж: «Вчера в Литературно-художественном кружке общество свободной эстетики чествовало нашего знаменитого гостя Клода Дебюсси. Публика почти наполнила большой театральный зал.

Композитор при входе был встречен представителями “эстетов”, поднесшими ему букет алых роз, и директорами кружка, которые усадили его в первом ряду кресел.

У молодого мэтра замечательно характерная голова, южного типа, с очень выпуклым лбом и черной, курчавой бородой. Смотрит исподлобья и как будто дичится расточаемых ему оваций.

Со сцены произносится ряд приветствий от различных московских организаций. Дефилируют представители общества камерной музыки, оперы Зимина, народной консерватории, французской колонии, Свободного театра, Литературно-художественного кружка и др. Многие подносят подарки и папки с адресами.

Дебюсси, решительно отказавшийся войти на сцену, каждый раз тянется через рампу и пожимает руки ораторов.

По окончании приветствий начинается концертное отделение, составленное исключительно из произведений г. Дебюсси.

Гг. Могилевский, Пиксельман, Эмме и Кубацкий исполняют струнный квартет, г-жа Философова поет два романса, г-жа Бекман-Щербина играет девять пьес на рояле...

По окончании концерта, когда директора кружка увели дорогого гостя в свой кабинет и просили внести автограф в золотую книгу, Дебюсси упал в кресло и воскликнул:

— Ma foi, je n'ai jamais entendu autant de musique à la foi!...

Так можно человека замучить музыкой!

Однако внес в книгу нотную строку и свою подпись.

Около 11-ти часов начался подписной ужин в одном из зал кружка, во время которого было произнесено немало теплых слов по адресу г. Дебюсси.

На концерте среди публики присутствовали редкие в Москве гости — Т.П. Карсавина и С.П. Дягилев» (*С.С. Мамонтов*. Чествование Дебюсси // Русское слово. 1913. № 272, 26 нояб. С. 8).

5 декабря 1913 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Эм. Верхарн прочел отрывки из книги «*La multiple splendeur*». Присутствовало 162 человека.

ИЛХК. 1914. Янв; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 128 руб. 20 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «уплачено Верхарну за лекцию» (100 руб.), «ужин в честь Верхарна» (6 р. 55 коп.). Здесь же значится «Уплочено г. Жилиеву за аккомпан.» (15 руб.), но неизвестно, сопровождал ли он игрой лекцию или это долг, получившийся от одного из прошлых собраний.

Доклад в «Свободной эстетике» планировался еще при первых обсуждениях российского вояжа Верхарна. 3/16 октября Брюсов писал ему: «Лекции могут состояться в начале декабря старого стиля, то есть в середине того же месяца по новому стилю. Например, 2/15 декабря — в “Alliance”, 3/16 — в “Кружке” и 5/18 — в “Свободной эстетике”. Желательно, чтобы вы прочли две различных лекции: одну для “Alliance”, а другую для “Кружка”, поскольку “Alliance” претендует на “премьеру”, а в “Кружке” повторные выступления не приняты. Но, если это для вас затруднительно, можно устроить и как-нибудь иначе: например, вы могли бы изменить лишь названия лекций, вступление и заключение, сохраняя содержание; или привести различные примеры (цитаты) в “Alliance” и в “Кружке”. Что касается “Свободной эстетики”, являющейся закрытым обществом, то там будут благодарны за все, что вы захотели бы им предложить: стихи, беседу и т. д. Так или иначе лекция в “Кружке” закрепляется за одним из вторников, в “Свободной эстетике” — за четвергом, а вечер в “Alliance” — за одним из двух предшествующих вечеров» [15, с. 617] (оригинал по-французски. Здесь же назван гонорар, предлагаемый «Эстетикой» — 100 рублей).

5 декабря 1913 г. В.Ф. Ахрамович писал Н.П. Киселеву: «Вечером буду в эстетике на Верхарне» (РГБ. Ф. 128/III. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6; датируется по помете получателя).

Сохранилась рукопись приветствия Верхарну, прочитанного А.А. Андреевой на этом вечере (РГАЛИ. Ф. 2110. Оп. 1. Ед. хр. 1).

П.Н. Зайцев вспоминал: «В том же году Брюсов пригласил в Москву Эмиля Верхарна, знаменитого бельгийского поэта. Верхарну был оказан очень теплый прием. Он также в переполненном зале кружка читал свои стихи. А для беседы с ним Брюсов подготовил такой “букет” собеседников, что Верхарн даже, кажется, чуть растерялся и после, не скрывая своего удивления, задал Брюсову не лишенный наивности вопрос:

— Неужели у вас, в России, все писатели обладают такой высокой культурой?» [5, с. 202].

Больше года спустя Е.Л. Бернштейн (более известный под псевдонимом «Янтарев») вспоминал в газетном очерке: «Не хочется сказать, что когда гремят пушки — молчат музы, но на самом деле литературная жизнь в этом году проявляется слабо. <...> Собрания общества свободной эстетики — яркий показатель литературного затишья.

А в прошлом году, когда в “Эстетике” же выступали Верхарн и Бальмонт, было тесно в большом зрительном зале Литературно-художественного кружка. Какой уж тут чистый эстетизм, когда даже самый “старший эстет”, душа и вдохновитель общества свободной эстетики Валерий Брюсов на войне и являет собой пример неутомимого военного корреспондента» (*Янт* <Бернштейн Е.Л.> В литературном мире // *Голос Москвы*. 1915. № 39, 17 февр. С. 5).

19 декабря 1913 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Б.А. Садовской, С.Я. Рубанович и В.Ф. Ходасевич прочтут свои новые стихи.

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

«В виду тесноты помещения Комитет просит каждого из гг. членов вводить на собрание не свыше двух человек гостей».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 67 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 2. Л. 30 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 76 человек. — *ИЛХК*. 1914. *Янв*; *Отчет 13/14*.

1914

16 января 1914 (четверг).

Девятое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«А.Я. Тугенхольд делает доклад о творчестве Пабло Пикассо».

Начало в 10 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 3. Л. 3 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 49 человек. — *ИЛХК*. 1914. *Март*; *Отчет 13/14*.
Выручено от продажи входных билетов 13 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 13/14).

30 января 1914 (четверг).

Десятое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

И. Добровейн и Л. Сабанеев исполнили свои произведения. Присутствовало 88 человек.

ИЛХК. 1914. Март; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 24 руб. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов — «прокат инструментов» (15 руб.), «уплачено Л.Л. Сабанееву» (25 руб.), «уплачено И.Д. Добровейну» (25 руб.).

В недатированном (середина января 1914 г.) письме Ан.Н. Чеботаревская писала Брюсову: «Мы будем в М<оск>ве с 23 янв. на неск. дней. Не получая от кружка извещения, Ф.К. <Сологуб> решил новой лекции не готовить; если бы Вы хотели послушать его новые стихи, то он может прочесть в Эстетике 24, 25 и 29 <...> но кажется — это не четверги, а четверги 23 и 30 — он занят, т.ч. вероятно ничего не выйдет» (РГБ. Ф. 386. Карт. 107. Ед. хр. 30. Л. 1). Предложение это принято не было.

6 февраля 1914 (четверг). (ОТМЕНЕНО)

Доклад Ф.Т. Маринетти «О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи».

Сохранилось печатное извещение об отмене вечера 6 числа: «Комитет О-ва Свободной Эстетики извещает Вас, М. Г., что в виду неприезда Ф.Т. Маринетти, вечер 6-го февраля отменяется» (РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 2. Л. 3 (Вяч. Иванову. Доставлялось курьерами; на экземпляре штемпели: «Срочно» и «Доставил "Гонец"»).

Еще за некоторое время до приглашения именитого лектора И.И. Трояновский спрашивал у Брюсова в недатированном письме: «Хотелось бы знать Ваше мнение, можно ли допустить Маринетти — выступать в Эстетике? Хотелось бы знать, можно ли допустить при этом прения, а главное, — если да, то не пришли ли бы Вы и сами сказать свое веское слово. Надо же наконец Вам коснуться жизни, дела, радости, а не забивать себя в темную яму безволия и удовлетворения лишь примитивных своих влечений, — в яму, из которой не выбиться потом и самому большому человеку» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 23; под примитивными влечениями подразумевается морфинизм Брюсова, который Трояновский регулярно порицал в письмах, предлагая консультации коллег-врачей).

13 февраля 1914 (четверг).

Одиннадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Доклад Ф.Т. Маринетти «О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи». Собрание первоначально было назначено на 6 февраля, но перенесено. После доклада состоялись прения, в которых приняли участие А. Виленкин и И. Зданевич. Присутствовали 151 человек.

ИЛХК. 1914. Март; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 71 руб. 55 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «автомобиль для Маринетти» (1 руб. 60 коп.), «чай для артистов» (90 коп.).

Первоначально был назначен на 6 число (см.: *6 февраля 1914*). Предполагалось, что оппонентом Маринетти будет Вяч. Иванов: «В четверг Маринетти выступит в “Обществе Свободной эстетики”, где прочтет доклад на тему “Футуризм и искусство”. Оппонентом выступит Вяч. Иванов» (Ночь. 1914. № 25, 12 февр. С. 3). По неизвестной причине Иванов этим приглашением манкировал.

В день доклада в газетах было помещено сообщение: «Предполагавшееся на прошлой неделе и не состоявшееся вследствие неприезда Маринетти собрание “Свободной эстетики” на тему о футуризме назначено на сегодня. Ф.-Т. Маринетти сделает доклад “О самых крайних исканиях футуризма в поэзии и живописи”. Затем Я.А. Тугенхольд сделает доклад “О футуризме Маринетти”. После докладов ожидаются горячие дебаты, в которых примут участие и некоторые из русских представителей футуристического движения, как известно, далеко не с сочувствием относящихся ко взглядам, проводимых в его московских лекциях главой итальянского футуризма» (Б.п. О футуризме // Русские ведомости. 1914. № 36, 13 февр. С. 6).

На следующий день в «Русском слове» писали:

«В Литературно-художественном кружке, на собрании всегда чинной, спокойной, культурной “Свободной эстетики” вчера произошел “инцидент”.

Читал доклад Маринетти. Пересказывал уже много раз изложенные в своих манифестах и лекциях идеи.

После доклада начались прения на французском языке.

Чтобы гость-докладчик понимал.

Первый оратор, г. Виленкин подверг подробной критике принципы футуризма, утверждая, что на самом деле это “последнее слово культуры” предвосхищено уже... египетскими иероглифами.

Во время речи г. Виленкина итальянский темперамент Маринетти сказался очень ярко.

Сначала он пожимал плечами, делал недоуменное лицо, разводил руками, наконец, начал перебивать оратора, произносить в паузах речи г. Виленкина страстные тирады и т.п., — вообще по всем пунктам нарушал священный кодекс “парламентаризма”.

После речи г. Виленкина неожиданно выступили московские футуристы, гг. Маяковский, Бурлюк и Зданевич, потребовав попутно разрешения говорить по-русски.

Председатель г. Гиршман заявляет, что этого он не может допустить.

— Отчего же? — протестует г. Бурлюк. — Здесь все понимают оба языка.

— Нет, не все, — отвечает голос из публики. — Маринетти не понимает по-русски, а вы, Бурлюк, — по-французски.

Г. Зданевич подчиняется — и приветствует Маринетти по-французски.

— Ваше присутствие поддержит нас в борьбе с этим стадом идиотов и дураков, — говорит он, показывая на весело смеющуюся публику.

Его моментально лишают слова.

Маринетти благодарит русских футуристов, подчеркивая свою полную с ними, в особенности с г-жой Гончаровой и г. Ларионовым, солидарность.

После этой речи московские футуристы опять начинают добиваться “равноправия языков”.

Им отказывают.

Тогда г. Маяковский провозглашает:

— В “Свободной эстетике” свободен лишь выбор кушаний по карточке, ибо здесь на русский футуризм надели намордник.

Г. Гиришман поднимается и спокойно произносит:

— После таких замечаний мне остается только закрыть собрание, что я и делаю.

Футуристы, несмотря на протесты представителей общества свободной эстетики, приступают было к выборам своего председателя, чтобы продолжать дебаты, так сказать, “явочным порядком”, но в этот момент кто-то объявляет, что в главном зале кружка поносят футуристов и все бросаются туда» (*Б.н.* «Инциденты» в кружке // Русское слово. 1914. № 37, 14 февр. С. 5).

Хроникер «Московской газеты» сообщал: «Внешняя картина была такова: на стене висели два больших портрета — Байрона и Шекспира. Под Шекспиром стоял Бурлюк в сюртуке синодального певчего и с лорнетом, лицо его было расписано черной тушью: на левой щеке изображение верблюда работы Сарьяна, а на правой — какие-то неведомые каббалистические знаки, похожие на мокрицу.

А под Байроном высилась здоровенная фигура Маяковского, без всяких украшений на лице, но в ярко-красном смокинге, с черными реверами — совсем скрипач из румынского оркестра.

Посредине между двумя московскими футуристами стоял и распинался за свои идеи Маринетти, обливаясь седьмым потом, то и дело потирая платком свою типично итальянскую лысину. Крахмальный воротник его совсем вымок и превратился в вялую, полинялую тряпку.

Поодаль от Маринетти стоял маленький Зданевич, автор известной декларации о том, что американский башмак прекраснее Венеры Милосской. Апологет ботинка и сам несколько похож на продавца из обувного магазина. Но, чтобы показать свою принадлежность к цеху футуристов, Зданевич размазал чернилами свой стоячий воротник и нарисовал на нем какие-то буквы и иероглифы.

По другую сторону Маринетти, в полной боевой готовности к прениям стоял Шершеневич, с чистым лицом, в приличном воротнике и в корректном костюме.

За столом президиума сидели два председателя: один — г. Гиршман — давал словесные распоряжения, а другой — г. Вайнштейн, звонил в колокольчик и призывал футуристов к порядку.

Публика — самая пестрая: вот группа московских меценатов, маленькие Медичи и Строщи — гг. Носовы, Гиршманы, вот небольшая армянская компания — сверкающий зрачками и бриллиантами, спортсмен Манташев, художники Сарьян и Якулов, создавший “Общество искусств” — Коротков, чета Дживелеговых; босоножки с искривленными позвоночниками, дирижер Померанцев, юбиляр “Грифа” — Соколов, художница Толстая, беллетрист Кожевников, пианист Барабейчик, поэт Рубанович, адвокат Виленкин, много доморощенных поэтов, художников, музыкантов, скучающие дамы, англазированные эстеты из банкирских контор, и снобы, снобы, снобы.

Вся эта толпа, задыхающаяся от тесноты и духоты в небольшой комнате с низким потолком, затаив дыхание, слушала словесную пальбу маленького пророка из Турина. А Маринетти, захлебываясь в пенистых водах собственного красноречия, выпаливал по тысяче слов в минуту, как добрая митральеза.

Он говорил совсем так, как на перекрестках Парижа ораторствуют продавцы усовершенствованных зажигалок и патентованных манжет, с тем же раздражением и запальчивостью, которые удивляют приезжих иностранцев. <...>

Виленкин на прекрасном французском языке пытается отвечать Маринетти, но вулканический темперамент итальянца, взрощенный у подножия Везувия, не может мириться с медленной, размеренной речью оппонента, и оратор, не желая слушать никаких возражений, перебивает его на полуслове и заливает его целым потоком огненных и яростных фраз; и бедному Виленкину, едва ли не самому боевому москвичу, диспутирующему на лекциях и блистающему на маскарадах, приходится пасовать перед пламенным итальянцем.

Пользуясь минутным замешательством, у стола появляется Зданевич и читает манифест на французском языке, но написанный теми “комнатными” словами, какими объяснялась за границей лейкинская купчиха.

Манифест сообщает, что группа московских футуристов расписывается в солидарности с Маринетти и считает его своим прекрасным вождем. Маринетти дружески пожимает руку Зданевичу и тем санкционирует под свое покровительство русских единомышленников.

Но Зданевич говорил не за всех, а только за часть московских будущников, за спиною Маринетти стоят его здешние противники — непримиримые

враги: Бурлюк с лорнетом и Маяковский в багровом одеянии. Они хотят говорить, но заправила “Свободной эстетики” не дает им слова по-русски, предлагая возражать по-французски.

Но где им, бедным отечественным “будетлянам” владеть речью Корнеля и Расина, когда Бурлюк усваивал премудрость в черниговской бурсе, а Маяковский исчерпал учебу в трех классах кутаисской гимназии.

Маринетти, видя, что поле сражения пусто, и что на противников его наложена печать молчания, чувствует свое полное торжество победителя и произносит последнюю речь о русском футуризме и называет его — не футуризмом, а соважизмом, дикарством, а его адептов не футуристами, а соважистами, не будущниками, а первобытниками.

Так закончилась последняя речь Маринетти в Москве, такими вышли в “Свободной эстетике” проводы не очень любезного итальянского гостя» (*Фальстаф* <Кара-Мурза С.Г.>. *Соважисты* // *Московская газета*. 1914. № 300, 17 февр. С. 2).

Совсем иначе описывает дискуссию корреспондент «Русских ведомостей»:

«Вчера разыгралась футуристская битва в “Обществе свободной эстетики” — бой в честь отъезжающего Маринетти.

Сначала было даже немного скучно. Маринетти говорил спустя рукава, “о том, о сем, а больше ни о чем”, просто, чтобы сделать приятное любезным хозяевам.

Когда он кончил, один молодой человек предпринял попытку выведать у Маринетти, что ценного в футуризме.

Сначала во время речи противника Маринетти высказывал некоторые признаки возбуждения и, наконец, оборвал речь оппонента и стал сыпать филиппиками.

— Такая гениальная вещь, как “Мыслитель” Родена... — говорил молодой человек.

— Роден это ничтожество, полное, окончательное и бесповоротное “пассеистское” ничтожество, — перебывает, энергично потрясая руками, Маринетти. — Ничтожество Роден, разве лишь его “Бальзак”, но куда Родену до творений моего друга Карра и моего друга Боччони.

В спор вмешиваются русские футуристы, они хлопают, кричат, пытаются прочесть какой-то адрес Маринетти, где разом говорят вождю итальянского футуризма “да и нет”.

А Маринетти подливает масла в огонь. Он пользуется моментами затишья, чтобы критиковать русский футуризм. Одних русских футуристов он не принимает, ибо они пессимистичны, других — ибо они романтичны, третьих — ибо они археологичны, и лишь малая часть, по словам Маринет-

ти, — истинные футуристы; это — “мой друг Ларионов, мой друг Гончарова и мой друг Зданевич”.

Отвергнутые футуристические толки бросились на Маринетти и друг на друга и на публику; Маринетти — на русских футуристов и на публику, публика — на Маринетти и на русских футуристов.

Кто-то хочет кого-то успокоить, кто-то требует слова, кто-то объявляет заседание закрытым» (*Б.п.* Футуристская битва в «Эстетике» // Русские ведомости. 1914. № 37, 14 февра. С. 5).

Ср. в воспоминаниях Н. Асеева: «Тогда мы пробрались в “Общество свободной эстетики”, помещавшееся в здании тогдашнего “Литературного кружка”, на тогдашней Большой Дмитровке, теперешней Пушкинской улице. Туда мы пробились уже с более решительными намерениями — забросать Маринетти гнилой картошкой. Но этого не потребовалось, так как выступление этого зарубежного гостя и без нашего вмешательства обернулось громким скандалом. На предложение председателя собрания вести прения по докладу на французском языке, из-за непонимания лектором русского, сразу восстал появившийся неожиданно Маяковский, который напомнил присутствующим о гоголевских “кружевах холопства на баранах гостеприимства”, подразумевая собравшихся восхищенных членов “Свободной эстетики”.

Нужно представить себе это собрание тогдашнего цвета московских воротил в области эстетики, меценатов и покровителей искусств, видных юристов, модных докторов, адвокатов, артистов, писателей, художников, музыкантов. Нужно представить себе ту атмосферу чинного, исполненного самоуважения собрания, чтобы понять всю дерзость выпада Маяковского против изящно-утонченного общества. Вообразите себе серые, сукном затянутые стены уютного зала, увешанные портретами кисти Серова; портретами, оригиналы которых находились здесь же, в зале; вообразите мягкий полусвет вделанных в стены торшеров, концертный рояль Бехштейна, казалось еще хранивший на клавишах прикосновение пальцев не раз игравшего здесь Скрябина; приглушенные голоса, запах тонких духов... И вот в этом святилище искусств и собрании их ценителей раздался зычный молодой бас, протестующий против преклонения пред привезенным из-за границы грессмейстером грабежа и насилия.

— Какой вы футурист? — гневно гремел на всё помещение “Эстетики” молодой Маяковский. — Вы просто турист, коммивояжер войны и грабежа! Пускай вам переведут это, если вы не понимаете по-русски!

Устроители собрания, услышав такие неподходящие для них речи, спешно объявили о закрытии собрания, предложив покинуть его “всем, не имеющим отношения к обществу”.

Маяковский выкрикнул последние свои слова о том, что “Свободная эстетика”, очевидно, разрешает только свободный выбор кушаний, как вдруг за спиной председателя выросла фигура, чуть ли не вспрыгнувшая на шкаф, подтянувшись на мускулах. Во всяком случае, фигура эта вдруг оказалась выше всех, над головами поднявшихся с мест членов “Эстетики”.

— Я целиком присоединяюсь к русским юношам, протестующим против офранцузиванья прений! Я целиком на стороне их, не мирящихся с этим “званным вечером с итальянцами”! Если эти ребята называют себя футуристами, то я тоже — футурист! Именно они напомнили собранию, что, приехав в чужую страну, надо уважать ее язык, а не торговать залежалым товаром “Мафарки-футуриста”! Я приветствую эту молодежь, отказывающуюся принимать чужую пулеметную трескотню за последнее слово искусства! Это было громом с ясного неба. Произнесший эту гневную отповедь, неожиданно поддержавшую выступление “неотесанного ломовика” от искусства, как тогда именовался в этих кругах Маяковский, был человеком общества, которое не могло отказать ему ни в таланте, ни в наследственной культуре. Это особенно уважалось московскими меценатами. Собрание было огорошено. Это был входивший тогда в моду Алексей Толстой. Конечно, его горячее выступление было потом объяснено как эксцентричность. Но я запомнил его крупные черты лица, вытянутые в крике губы, часто моргающие, как бы в недоумении от происходящего, глаза, в кружок подстриженные волосы. Запомнил надолго» [1, с. 250–251].

Ср.: «Он <Брюсов> пригласил зачинателя европейского футуризма итальянского поэта Маринетти в Москву и предоставил ему в кружке трибуну для его декларации о новой школе и для чтения его стихов и подготовил оппонентов для диспута. Подобно многим европейским гостям, Маринетти полагал, что он едет открывать новую Америку этим непросвещенным москвичам — “московитам”. Да и сам он, трехнедельный удалец, не думал ли завоевать литературную Москву? В переполненном зале кружка он встретился со слушателями, не менее просвещенными, чем он сам. Энергичный отпор ему дали представители родственной ему школы, московские кубофутуристы» [5, с. 201].

Ср.: «От русских футуристов на вечере в “Эстетике” выступал Ларионов. Ни Маринетти, ни он языка содокладчика не знали, между ними стоял переводчик. Маринетти, закинув великолепную “опроборенную” голову с темно-золотыми глазами, с чем-то грубым и жестким в их глубине, с жёстами прирожденного трибуна, рассчитанными на широкие площади, наполнил всю замкнутую, теплую атмосферу небольшой залы грохотом своих призывов. Это была политическая программа: “Долой культ прошлого, всякую сентиментальность и романтику гуманности, любви полов, искусства.

Да здравствует молодость мира, восстановление славной родины, техника будущего, патриотизм, война как гигиена мира”.

На один момент нам всем, очевидно, представился цирк Древнего Рима, бой гладиаторов, кровь и Маринетти в венке цезарей, опускающий большой палец кулака: “добить побежденных”.

У русского футуризма, появившегося, как резервуар протеста, отвлекающий людей от политической реакции, от полного застоя в общественной жизни, — задачи были замкнутые, как стены “Эстетики”. Искусство, оторванное от всяких жизненных задач, безобидно “эпатирующее” и щеко-чущее нервы доморощенных меценатов. Ларионов, бессознательно почувствовав чуждость маринеттиевских лозунгов, напал на него со всей русской грубостью, переходящей в нецензурность.

— Скажите ему, — кричал он задыхающемуся, смягчающему все выражения переводчику, — что он ренегат, изменник, сукин сын, мы его тухлыми яйцами закидаем!

Он забыл, что, как-никак, итальянец приехал как гость, что просто негостеприимно так вести себя.

Ужин, вино, любезные манеры Брюсова, Шершеневича и Якулова, обольстительные улыбки дам, посылаемые презирающему женщин и любовь трибуну, сгладили неприятное впечатление. Но после отъезда Маринетти стало ясно, что он ни в какой степени не может быть вождем русских» [23, с. 94–95].

См. также: [10, кн. 2, с. 142–146].

20 февраля 1914 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вячеслав Иванов прочел несколько своих новых стихотворений и отрывки из первой части трилогии «Сыны Прометейя». Присутствовало 89 человек.

Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 24 руб. 55 коп. (*Финотчет. 13/14*). Среди расходов: «уплачено В. И. Иванову» (50 руб.).

Вероятно, к этому заседанию относится письмо В. Ходасевича к Б.А. Садовскому от 23 февраля 1914: «На прошлой эстетике за ужином Вяч. Иванов произносил речи, в коих возводил меня на высоты головокружительные. Скучно, но лестно» [16, с. 23].

См. отчет: «Вчерашнее собрание Общества “Свободная эстетика” было посвящено почти всецело поэзии Вячеслав Иванова. Поэт прочитал несколько своих стихотворений, затем первую драму в стихах же из своей трилогии “Сыны Прометейя”. Драма представляет во многом своеобразную обработку мифа о Прометее, по характеру приближающуюся к байроновским мистериям. В заключение Вячеслав Иванов и Валерий Брюсов

обменялись одами. Сначала В. Иванов прочел обращаемые им к В. Брюсову две оды “Лира” и “Ось”. В. Брюсов отвечал двумя же одами и под теми же названиями, построенными совершенно так, как оды В. Иванова. Все четыре оды объединены общим именем “*Carmina Amedea*” <sic! надо: “*Carmina amoebaea*”>. Поэты имели у аудитории — на этот раз малочисленной, — большой успех» (*Б.п.* В «Свободной эстетике» // Русские ведомости. 1914. № 43, 21 февр. С. 5).

6 марта 1914 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

Вечер, посвященный современной музыке. Были исполнены произведения Гунста, Ал. Крейна, Гр. Крейна, Б. Красина, Метцля и др.; участвовали: П.Ж. Доберт, А.И. Добровольская, Анна Мейчик, Г.С. Макриди, В.Р. Петров, Анри Фортер. Присутствовало 73 человека.

Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 40 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 13/14). Среди расходов: «аккомпаниатору» (10 руб.).

В *ИЛХК. 1914. Апр.* ошибочно указано, что в этот вечер был прочитан доклад Вяч. Иванова.

13 марта 1914 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«А.К. Топорков сделает доклад “О комедии”».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 29 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 37 человек. Докладчику возражал Г. Поливанов. (*Отчет 13/14.*) Выручено от продажи входных билетов 8 руб. (*Финотчет.* 13/14). Лектору было уплачено 50 руб.

В *ИЛХК. 1914. Апр.* ошибочно указано, что этим числом датирован вечер молодых композиторов.

20 марта 1914 (четверг).

Пятнадцатое (закрытое) собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

В.Я. Брюсов прочтет свои новые произведения.

Начало в 9 ½ часов веч.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 32 (Вяч. Иванову).

Чтение В.Я. Брюсовым своего перевода «Энеиды» и рассказа «Рея Сильвия». Присутствовало 55 человек.

ИЛХК. 1914. Апр.; Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 17 руб. (*Финотчет.* 13/14).

27 марта 1914 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1913–1914 гг. — ЛХК.

«В.Г. Шершеневич сделает доклад о жизни и творчестве Жюлья Лафорга. В.Я. Брюсов и В.Г. Шершеневич прочтут свои переводы произведений Лафорга».

Начало в 9 ½ часов веч. — Гости входят по письменному приглашению гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 3. Л. 36 (Вяч. Иванову).

Присутствовало 46 человек.

ИЛХК. 1914. Апр.: Отчет 13/14. Выручено от продажи входных билетов 10 руб. 50 коп. (*Финотчет. 13/14*).

22 апреля 1914 (вторник).

Заседание правления (вероятно, комитета).

ИЛХК. 1914. Май.

15 сентября 1914 (понедельник).

Заседание Комитета общества. Присутствовало 6 человек. Обсуждался вопрос об оказании помощи организации в пользу раненых и запасных нижних чинов, образованной при Литературно-художественном кружке. Об итогах заседания Комитет сообщал в особом письме Московскому Литературно-художественному кружку: «Комитет Общества Свободной Эстетики, рассмотрев в заседании 15 сентября с.г. вопрос об оказании помощи образованной при Литературно-художественном кружке организации в пользу раненых и запасных чинов, постановил передать означенной организации из наличных средств общества две 5% облигации Второго Внутреннего Займа 1905 г. за № 15271 и 215709 и купонами на 1 марта 1915 г. на полную стоимость (оба) двести (200) рублей, каковые облигации Комитет О-ва “Свободной эстетики” имеет честь при сем препроводить с покорнейшей просьбой выдать в получении оных квитанцию» (РГБ. Ф. 386. Карт. 96. Ед. хр. 56. Л. 1–1об.).

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 74.

11 декабря 1914 (четверг).

Первое собрание сезона 1914–1915 гг.

Тема неизвестна.

Единственный источник сведений — известие о продаже в этот день входных билетов на 23 руб. Поскольку тем же днем записан приход членских взносов от восьми лиц, нет сомнений, что собрание (причем не малолюдное) состоялось (см.: *Финотчет. 14/15*).

18 декабря 1914 (четверг).

Заседание Комитета общества. Присутствовало шесть человек.

Сохранился текст речи И.М. Брюсовой, записанной ею самой накануне выступления. Она говорила о функционировании Общества в период войны, о сохранении общественного интереса к нему, о желании некоторых поэтов прочесть свои стихотворения, о почти достигнутой договоренности с А. Скрябиным о его выступлении в январе, о выраженных в письмах Брюсова просьбах не оставлять Общество. Текущие вопросы: о назначении секретаря. О намерении Липскерова прочесть на одном из собраний свои стихи (помета: «до Валерия Як.»). О назначении на 15 января музыкального вечера.

Протокол. РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 79–79об.

1915

15 января 1915 (четверг).

Второе собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Музыкальный вечер.

ИЛХК. 1915.Февр. Выручено от продажи входных билетов 4 руб. (*Финотчет.* 14/15).

22 января 1915 (четверг).

Третье собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Исполнительное собрание.

В газетном отчете сообщалось: «Вчера состоялось исполнительное собрание о-ва “Свободная эстетика”, привлекшее в Литературно-художественный кружок довольно большое количество слушателей.

Первая половина собрания была посвящена музыке. Г. Фейнберг исполнил токкату Баха, сонату и две “сказки” Метнера и, наконец, 4-ю сонату Скрябина.

Как пианист, г. Фейнберг мало известен, а, между тем, это, несомненно, очень одаренный музыкант, с гибкой техникой и большой тонкостью и остротой переживания. Кроме того, у него широкий диапазон стиля; он равно художественно переживает и классика Баха, и неклассика Метнера, и совершенно отличного от них утонченного Скрябина. Четвертая соната последнего, одно из труднейших произведений для ф.-п., вообще была передана им очень тонко и с большим подъемом. Есть у пианиста и дефекты техники, есть некоторая неполновесность звука, не всегда точная педаль, но общее впечатление — в его пользу.

Было бы интересно услышать его в менее интимных рамках исполнения, чем то, которое дает маленькая аудитория “Свободной эстетики”.

Нельзя также не выразить благодарность пианисту за исполнение труднейшей g-молл-ной сонаты Метнера, которого вообще избегают наши пианисты из-за трудности его фортепианного стиля.

Во втором отделении В.Я. Брюсов прочитал свои новые стихотворения» (*Л. С<абанеев>*. В о-ве «Свободной эстетики» // *Голос Москвы*. 1915. № 18, 23 янв. С. 5).

ИЛХК. 1915.Февр. Выручено от продажи входных билетов 11 руб. (*Финотчет*. 14/15). Среди расходов: «прокат рояли» (10 руб.), «цветы от В.Я. Брюсова» (12 руб.).

5 февраля 1915 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«К.А. Липскеров, С.Я. Рубанович и В.Ф. Ходасевич прочтут ряд своих новых стихотворений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 10 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915.Февр. Выручено от продажи входных билетов 27 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 14/15).

Вечер ознаменовался значительным скандалом, подробности которого отчасти выясняются из дневниковой записи И.Н. Розанова:

«Четверг.

Вечером вечер свободной эстетики. Там первая меня узнала и сама заговорила со мной г-жа Брюсова. — Долгий разговор. — Затем В. В. Васильев, Ходасевич с женой, Серпинская, Там<ара> Бороздина. Читали стихи С. Рубанович из Бодлэра

Липскеров из Саади

(Турк<естанские> стихи)

(особым восточным напевом. Довольно однообразным).

Ходасевич.

Никто особенного успеха не имел. Затем футуристы. Зданевич и Маяковский, к<отор>ый по адресу Зданев<ича> сказал: “Мне эта гортанная ерунда надоела. Я теперь пишу хорошие стихи” и прочел “Наполеон и я”. Хотел читать “Мама и убитый войною вечер”.

Но сорвали...» [2, с. 214].

Появление футуристов в программе вечера вызвало чрезвычайное недовольство Ходасевича. 9 февраля он писал Б.А. Садовскому: «У меня уйма хлопот и неприятностей. Только что послал с Рубановичем и Липскеровым коллективное заявление в Эстетику. Нас обидели, заставив читать в прошлый четверг стихи, а после нас выпустив Маяковского и Зданевича. Будут большие бои. Заявление составлено в выражениях,

более, чем решительных. Будем требовать публичного извинения» [16, с. 27].

Это заявление сохранилось:

«В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВА СВОБОДНОЙ ЭСТЕТИКИ

Членов Общества Константина Абрамовича
Липскерова, Семена Яковлевича Рубановича
и Владислава Фелициановича Ходасевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Изъявляя согласие прочесть свои стихи в собрании Общества, 5-го февраля с.г., мы своевременно поставили необходимым условием нашего участия в вечере полную изолированность от группы так называемых футуристов. Условие наше было принято. Между тем, непосредственно после окончания нашего чтения два футуриста, г.г. Зданевич и Маяковский, выступили на собрании со своими стихами и приглашениями “поругаться”. Произошло это отнюдь не помимо воли председательствовавшего в собрании члена Комитета И. И. Трояновского, так как он, позвонив в колокольчик, пригласил публику послушать г.г. Зданевича и Маяковского. Таким образом, Комитет в лице г. Трояновского без всякого предупреждения нарушил данное нам обещание, отрезав для нас всякую возможность протестовать тут же, ибо уважение к званию Председателя мешало нам подвергнуть его действия публичной критике.

Мы считаем своим долгом выразить Комитету Общества крайнее наше изумление по поводу произошедшего, а также напомнить ему о необходимости более строго придерживаться однажды данного слова.

Считаем необходимым добавить, что протестовать заставляет нас не формальное нарушение наших прав и указанного на повестке порядка дня, а некоторое гораздо более существенное обстоятельство. Предлагая вниманию собрания ряд своих произведений, являющихся выражением наших глубочайших переживаний и раздумий, мы не могли безропотно примириться с мыслью, что наше выступление в конце концов явилось прелюдией к балаганной выходке г.г. футуристов. В составе комитета находятся два писателя: В.Я. Брюсов и Ю.К. Балтрушайтис. Надеемся, что они, со своей стороны, не откажутся объяснить г. Трояновскому, в какой степени неудобно делать выступление других писателей, ничем доньше не запятнавших своего доброго литературного имени, предлогом к развлечению, единственный интерес которого — интерес к скандалу.

Москва, 6 февраля 1915.

К. Липскеров, С. Рубанович, Владислав Ходасевич» (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 9. Л. 1–2; частично процитировано: [32, с. 169]; автор, впрочем, безосновательно относит вечер к 8 февраля).

И.М. Брюсова 22 февраля писала мужу, находившемуся в это время в Польше:

«Муня <С.В. Киссин> тебе, может быть, рассказывал историю у нас в Эстетике, как на Ив. Ив.²<Трояновского> — обиделись Владя, Сеня Рубанович и Липскеров. В результате я, разговаривая с Мункой по телефону, обозлилась на него. Они с Владькой все пять дней пребывания в Москве только об этом и разговаривали, и Муня со всей искренностью души принялась ругать Эстетику. Как бы ни были виноваты, как плоха Эстетика ни была бы, я должна была как одна из работающих в комитете за нее заступиться. <...>

Я взялась отвечать обидевшимся поэтам. Но ты знаешь мою нелюбовь к письмам, я положила в ящик глубоко их письмо, на которое должна ответить, и они на меня еще более оскорбятся, я это предвижу» (цит. по: [8, с. 357]).

24 февраля Брюсов, встретившийся с Киссиным (и не получивший еще предыдущего послания), писал жене из Варшавы: «Сейчас был у меня Муни. Рассказывал о каком-то скандале в Эстетике с Ив.Ив., и Маяковским, и с Владей. Ты мне об этом не писала. В чем же дело? Я из рассказа Муни не понял» [3, с. 155]. 1 марта, получив приведенные выше разъяснения, он отвечал: «В деле с Ходасевичем и др<угими> я считаю виноватой Эстетику. Если было условие, что футуристы не должны читать, нельзя было позволять им читать и после окончания программы. Я бы на месте Комитета *извинился*, и после извинений “хлестнул бы” за письмо, конечно, неприличное. Но, может быть, Комитет извиняться не хочет. Тогда остается только сослаться на то, что читали футуристы по окончании собрания. Вот Тебе две редакции ответа: выбери любую (лично я считаю более справедливой первую, но поступайте, как найдете нужным)» [3, с. 160–161]; далее следуют два варианта — примиренческий и решительный. В результате, судя по сохранившемуся черновику, заявителям был отправлен следующий (контаминирующий их) текст:

«Гг. Членам Общества Свободной Эстетики
Константину Абрамовичу Липскерову, Семену
Яковлевичу Рубановичу и Владиславу Фелици-
ановичу Ходасевичу.

В ответ на Ваше письмо от 6 февраля с. г. Комитет Общества Свободной Эстетики считает своим долгом выразить сожаление по поводу того, что во время собрания общества по прискорбному недоразумению не было соблюдено одно из условий, которые были установлены между Вами и Членом комитета Иоанной Матвеевной Брюсовой в момент принятия ею от имени

² А виновата я, И.Ив. дал разрешение футуристам прочитать стихи в конце вечера, предварительно спросив меня (*примеч. И.М. Брюсовой*).

Комитета предложения Вашего прочесть на собрании Общества 5 февраля новые стихотворения Ваши. Недоразумение это произошло единственно потому, что г-жа Брюсова забыла предупредить об этом условии Председательствовавшего в Собрании Члена Комитета Ивана Ивановича Трояновского. Относительно этого недосмотра Комитет и г-жа Брюсова по поводу этого <sic> выражает вам свое глубокое сожаление. Однако, Комитет в то же время обращает Ваше внимание на то, что чтение стихов г.г. Зданевичем и Маяковским происходило уже по окончании программы вечера, не было объявлено на повестках и было вызвано лишь желанием отдельных членов Общества. Председательствовавший на собрании нашел возможным удовлетворить это желание по окончании программы вечера, так как совершенно не знал о данном Вам обещании соблности на этом вечере полную изолированность Вашего выступления от группы футуристов. При этом председательствовавший руководился мыслью, разделяемой всеми членами Комитета, что Общество свободной эстетики всегда имело целью на деле оправдать свое название “свободной эстетики” и видело свободу в широкой терпимости по отношению ко всем литературным школам и ко всяким творческим начинаниям как бы резко они не отличались от установившихся эстетических форм. С этой точки зрения Комитет Общества Свободной Эстетики находит недопустимыми в Вашем заявлении слова о “балаганной выходке г.г. футуристов”. Комитет возразит <?> вам, не сомневаясь, что Ваши произв<едения> являются выразителями <sic>, что и произведения г.г. футуристов являются также выражением их искренних переживаний, и такой взгляд Комитета основан на уважении ко всем членам общества независимо от различия их эстетических воззрений. Но еще более недопустимым признает Комитет общий резкий тон Вашего заявления и предложение Ваше, чтобы г.г. Брюсов и Балтрушайтис “объяснили г. Трояновскому в какой мере неудобно было делать выступление Ваше предлогом к развлечению, интерес которого интерес к скандалу”. В этих Ваших выражениях Комитет не может не усмотреть неуважения как по отношению к г. Трояновскому, так и всему составу Комитета.

Ни Комитет, ни г. Трояновский решительно не нуждаются в указаниях и объяснениях о том, каким образом им следует охранять достоинство и честь Общества» (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 9. Л. 3–3об.; печ. по последнему слою правки).

12 февраля 1915 (четверг).

Пятое собрание сезона 1914–1915 г. — ЛХК.

«Ю.К. Балтрушайтис прочтет цикл стихотворений из книги “Лилия и Серп”».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи г.г. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 11 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 11 руб. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «уплачено по счету буфета» (9 руб. 35 коп.).

19 февраля 1915 (четверг).

Шестое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А. Эль-Тур (пение) исполнит произведения Василенко, Катуара, Крейна, Метнера, Римского-Корсакова, Ренэ-Батон, Дебюсси и шотландские песни в гармонизации Гречанинова, гр. Толстого и Александра Жоржа».

Начало в 8^{1/2} часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 12 (Вяч. Иванову); ГЦМ-МК. Ф. 132. Ед. хр. 3756 (Н.К. Метнеру).

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «уплачено за прокат рояли» (10 руб.), «кофе» (40 коп.).

Известен единственный отчет о вечере: «Вчера состоялось вторичное <sic> собрание общества свободной эстетики. Программа была посвящена камерной вокальной музыке.

Г-жа А. Эль-Тур с большим мастерством исполнила ряд романсов Римского-Корсакова, Дебюсси, Крейна, Метнера и др., кроме того, несколько шотландских песен в обработке гр. С. Толстого, Жоржа и Гречанинова.

Публики было много» (*Б.п.* В обществе свободной эстетики // *Голос Москвы.* 1915. № 42, 20 февр. С. 5).

26 февраля 1915 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

Тема неизвестна.

ИЛХК. 1915. Февр. Выручено от продажи входных билетов 10 руб. (*Финотчет.* 14/15). В журнале расходов это поступление помечено 21 февраля (субботой), что кажется нам крайне маловероятным.

12 марта 1915 (четверг) (ОТМЕНЕНО).

Восьмое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А.М. Ян-Рубан и г. В.И. Поль исполняют ряд вокальных и фортепьянных произведений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 22 (Вяч. Иванову).

Собрание не состоялось: 11 марта 1915 г., то есть за день до предполагавшейся даты, была разослана печатная листовка: «Комитет Общества

Свободной Эстетики уведомляет, что исполнительное собрание с участием А.М. Ян-Рубан и В.И. Поля, назначенное на 12 марта, переносится, по случаю того, что помещение экстренно занято, на 26 марта, о чем будет оповещено в свое время» (РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 230 (И.С. Остроухову); п.ш. 11.3.15). См.: *26 марта 1915*.

24 марта 1915 (вторник).

Общее собрание. — Галерея Лемерсье.

«Предметы занятий:

1) Заслушание и утверждение отчета за 1914–15 г.

2) Продление, согласно с постановлением предыдущего Общего Собрания, на следующий год полномочий членов Комитета и Ревизионной комиссии.

3) Вопрос о картине А.А. Арапова.

4) Текущие дела.

Участие в Общем Собрании принимают только г.г. члены Общества.

В случае, если назначенное Общее Собрание не состоится, за неприбытием требуемого Уставом числа членов, назначается вторичное Общее Собрание, в тот же день и в том же помещении, в 9 час. веч., действительное при любом числе прибывших членов».

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 24 (Вяч. Иванову).

26 марта 1915 (четверг).

Девятое собрание сезона 1914–1915 гг. — ЛХК.

«Г-жа А.М. Ян-Рубан и г. В.И. Поль исполняют ряд вокальных и фортепьянных произведений».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи г.г. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 30 (Вяч. Иванову).

ИЛХК. 1915. Июль. Выручено от продажи входных билетов 33 руб. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов — «прокат рояли» (10 руб.).

Первоначально назначалось на *12 марта 1915* (см.).

Разыскан единственный газетный отчет:

«Интересный музыкальный вечер состоялся вчера в обществе “Свободная эстетика”. Программа была составлена по чрезвычайно любопытной мысли — представить историю русского романса.

Перед слушателями, собравшимися в значительном числе, прошли последовательно романсы Гурилова, Варламова — тех авторов, которые восхищали наших прабабушек, затем — уже более совершенные технические произведения Глинки, Даргомыжского и до представителей “могучей кучки” — до Бородина.

Конечно, главный интерес был именно в “старине”. <...>

С музыкальной стороны программа была очень хорошо выполнена г-жею Ян-Рубан и г. В. Поль.

Исполнители имели значительный успех» (*Сабанеев Л.* В обществе «Свободной эстетики» // *Голос Москвы.* 1915. № 70, 27 марта. С. 4).

2 апреля 1915 (четверг).

В помещении ЛХК.

Тема неизвестна. В нумерацию вечеров не входит.

ИЛХК. 1915. *Июль.* Выручено от продажи входных билетов 14 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 14/15).

9 апреля 1915 (четверг).

Десятое собрание сезона 1914–1915 г. — ЛХК.

«Г-жей А. Стенрос и г. А. Фортером будут исполнены произведения А. Скрябина и А. Фортера».

Начало в 9 часов веч. — Гости входят по записи гг. членов с платою 50 копеек.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 34 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 15 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 14/15). Среди расходов: «прокат рояли» (10 руб.).

Разыскан единственный отзыв:

«Исполнительное собрание общества свободной эстетики было посвящено музыке: исполнены были произведения Анри Фортера и Скрябина.

Анри Фортер — французский музыкант, акклиматизировавшийся на русской почве, имеет определенное, красивое и подлинное композиторское дарование. <...> Сам автор исполнял партию скрипки, г-жа Стенрос — фортепиано.

Во втором отделении г-жа Стенрос исполнила ряд произведений Скрябина, исполнила очень тонко, красиво, со вкусом и пониманием, с проявлением незаурядной техники и музыкальности. Но несколько холодно-вато, равнодушно, без яркого переживания. Это, по-видимому, в существе пианистического характера артистки: она вообще холодна, а эта холодность так мало идет к произведениям Скрябина, всегда нервного, порывистого, устремленного.

Публики было немного» (*Голос Москвы.* 1915. № 83, 11 апр. С. 5).

Возможно, к этому вечеру относится следующий эпизод: «Как-то в марте, а может быть в конце февраля, я случайно узнал, что в Обществе свободной эстетики состоится вечер, где будут участвовать Вячеслав Иванов и Скрябин. Вечером я отправился на Большую Дмитровку. Стоял сырой морозный день, один из тех отвратительных дней, когда мороз проникает

под самую кожу. Продрогши, в весьма печальном состоянии я вошел в столь знакомую прихожую. Теперь она носила явные следы военного времени. Все было грязно, заплевано, сновали какие-то непонятные люди. Первый, кого я увидел в прихожей, был поэт Балтрушайтис, читавший вывешенные на стене последние телеграммы. Балтрушайтис, уже и раньше удивлявший меня своей мрачностью, был особенно мрачен. Скривив лицо в мучительную гримасу, он читал телеграммы с видом человека, которому придется броситься в реку. Отметив это обстоятельство как скверное предзнаменование, я поднялся наверх. Вечер состоялся. Теперь уже не помню, что там читали и играли. Присутствующих было человек двадцать, все, конечно, знали друг друга, а потому после окончания вечера ужинали за общим столом. Разговор носил злободневный характер. Вячеслав Иванов рассказывал о Вильгельме. Теперь мне смешно вспомнить все эти рассуждения. С начала войны о Вильгельме говорили много. В нем неожиданно нашли те качества, которых не хватало у нашего самодержавца. Одно качество восхищало всех — воля. На эту тему и говорил Вячеслав Иванов. Он передавал нам отзыв художника, рисовавшего портрет кайзера, о взгляде Вильгельма, который якобы обладал гипнотизирующей силой. К этому, конечно, были прибавлены кой-какие мистические умозаключения. Слушая Вячеслава Великолепного, я всматривался в сидевшего напротив Скрябина. Я удивлялся соединению в этом лице совершенной заурядности, подчеркнутой вверх закрученными усами, и тонкой духовности, которая как будто пряталась под какой-то маской. Я вспоминаю рассказы о нем Собинова и Алеши Станчинского. Из этих рассказов вытекало, что Скрябин был декадент. Но в его лице не было ничего декадентского, наоборот, такие лица встречались у людей, выработавших у себя привычку к официальному, так сказать, положению в обществе. Ничего нельзя было прочесть в этом пунктуальном на вид человеке с хорошими манерами, внимательно слушавшем Вячеслава.

Через неделю после этой встречи я узнал о смерти Скрябина, последовавшей в результате заражения крови из-за какого-то фурункула, которым его, по-видимому, наградили в парикмахерской. Прочитав это сообщение, я вскрикнул, вспомнив его лицо» [11, с. 119–120]. Скрябин умер 14 апреля, так что датировать эпизод февралем, как это делает автор, затруднительно. Иванов был приглашен на это заседание, но присутствовал ли он там, мы не знаем, равно как и о присутствии Скрябина.

3 октября 1915 (суббота).

Заседание Комитета Общества.

Об этом заседании мы знаем благодаря упоминанию в печатной листовке, касающейся объявления условий двух конкурсов:

«КОНКУРСЫ ЧЕТВЕРТЫЙ И ПЯТЫЙ»

Комитет Общества Свободной эстетики, согласно с постановлением своим, 3 октября с. г., извещает, что прием произведений по конкурсам 4-му (драматических этюдов в 1 действии) и 5-му (романсов) продолжен до 1 января 1916 г.; присуждение премий состоится не позже 1 февраля 1917 г.

В конкурсах могут принимать участие как члены О-ва Свободной Эстетики, так и лица, не состоящие членами. Произведения на конкурс должны доставляться без подписи автора, но под девизом: имя и адрес автора должны быть указаны в запечатанных конвертах, помеченных тем же девизом. Произведения, доставленные за подписью автора, не рассматриваются.

На 4-й конкурс принимаются драматические этюды в 1 действии, которое может быть разделено на 2 картины, размерами не свыше ½ печатного листа обыкновенного книжного формата. Этюды могут быть написаны прозой или стихами, но, при равных достоинствах, предпочтение отдается написанному стихами. Этюды опубликованные раньше, в печати или в театре, на конкурс не принимаются.

На 5-й конкурс принимаются романсы, написанные на текст следующего стихотворения Каролины Павловой:

Salut, salut, consolatrice!
Ouvre tes bras, je viens chanter.
A. de Musset

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло:
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!
Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять!
Сойди к избраннице ты снова,
О, роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

Романсы, опубликованные раньше, в печати или в концерте, на конкурс не принимаются.

Премий по каждому конкурсу назначено три: в 150 р., 100 р. и 50 р.

Состав жюри по 4-му конкурсу: В.Я. Брюсов, М.О. Гершензон, В.И. Иванов, К.С. Станиславский, кн. А.И. Сумбатов; по 5-му конкурсу — А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Н.К. Метнер, М.С. Неменова-Лунц, Н.Г. Райский, Л.Л. Сабанеев, А.М. Ян-Рубан.

Произведения по 4-му конкурсу должны быть доставлены на имя члена Комитета Иоанны Матвеевны Брюсовой (Москва, 1 Мещанская, 32), по 5-му конкурсу — на имя члена Комитета Марии Соломоновны Неменовой-Лунц (Москва, Спиридоньевка, 16, кв. 8).

Подробные условия высылаются, по требованию, бесплатно» (РГБ. Ф. 746. Карт. 38. Ед. хр. 60. Л. 1).

В архиве Брюсова отложился экземпляр упомянутых «подробных условий» (хронологически он явно предшествует приведенной листовке):

«Правила конкурса романсов.

1. Текстом для романса избрано следующее стихотворение Каролины Павловой <цитируется тот же текст>.

2. Жюри не стесняет участников конкурса никакими специальными заданиями, но, при разных <sic> достоинствах представленных романсов, предпочтение будет отдано более удобному в вокальном отношении.

3. Романы, представленные на конкурс, не должны быть опубликованы ранее: т.е. произведения уже напечатанные или исполнявшиеся с эстрады, не допускаются.

4. Романы, представленные на конкурс, должны быть переписаны совершенно четко (ни в коем случае не почерком автора).

5. Премий назначается три: первая в 150 р., вторая в 100 р. и третья в 50 р.

6. Жюри оставляет за собою право: 1) разделить премии между большим числом лиц (однако не более, как между пятью); 2) оставить одну или несколько премий не присужденными. В последнем случае обязательно назначается новый конкурс на соискание не присужденных премий.

7. Состав жюри: А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Н.К. Метнер, М.С. Неменова-Лунц, Н.Г. Райский, Л.Л. Сабанеев, А.М. Ян-Рубан.

8. Срок доставки произведений на конкурс — 1-е сентября 1916 г. Срок, к которому премия должна быть присуждена — 1-е октября 1916. Срок, в течение которого О-во сохраняет за собою право исполнения произведений, представленных на конкурс, 1-е марта 1917 г.

9. Произведения, представленные на конкурс, должны присылаться на имя члена Комитета — Марии Соломоновны Неменовой-Лунц (Москва, Спиридоньевка, 16, кв. 8), которая и передаст их своевременно председателю жюри, представленными в срок считаются — полученные не позже 2 сентября 1916 г. при отправлении из Москвы и не позже 10 сентября 1916 г., при отправлении из других городов.

Поправки к правилам конкурса драматических этюдов.

К ст. 2. Напечатано: «при разных достоинствах»; должно читать: «при равных достоинствах».

К ст. 10–11. Срок представления этюдов продолжен до 1 сентября 1916 г.; представленными в срок считаются — полученные не позже 2 сентября 1916 г. при отправлении из Москвы и не позже 10 сентября 1916 г., при отправлении из других городов». (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 5. Л. 1).

К этому сюжету относится письмо В.Я. Брюсова к М.О. Гершензону от 15 апреля 1916 г.:

«Многоуважаемый Михаил Осипович!

“Свободная Эстетика” обращается к Вам с большой просьбой: не откажите принять участие в составе жюри V-го <?> конкурса О<бществ>а, именно — конкурса одноактных драм. Дело не очень трудное, т.е. не отымет много времени, но хорошее, потому что, вероятно, будут присланы вещи интересные. Конкурс состоится (работа жюри) осенью. Плохих вещей, если хотите, можете не читать. Заранее будет сделан отбор. Тогда придется потратить лишь один вечер, — одно заседание. А Ваше участие, Ваше имя для “Эстетики” очень важно. Я с своей стороны присоединяю самые усердные просьбы — не отказать О<бществ>у в этой услуге и в этой чести.

Сердечно преданный Вам

Валерий Брюсов.

P.S. Общество очень извиняется, что, по недоразумению, секретарь (новый человек, просто наемный, не стоящий в курсе дела) разослал некоторым членам отпечатанные условия конкурса, в которых уже упомянуто Ваше имя. Рассылка остановлена и, конечно, до получения Вашего согласия, ничего предпринято не будет. Другие члены жюри: К.С. Станиславский, А.И. Южин-Сумбатов, Вячеслав Ив. Иванов и я» [4, с. 24].

Вероятно, итоги конкурса пьес так и не были подведены: по крайней мере, это следует из обиженного письма одного из анонимных участников:

«Милостивый Государь Валерий Яковлевич, так как лица, приславшие свои произведения на конкурс одноактных пьес о-ва “Свободной эстетики” до сих пор не извещены о результатах конкурса и это препятствует постановке и печатанию их пьес, то не сочтете ли Вы естественным и справедливым опубликовать результаты конкурса, срок которого назначался уже дважды? Разрешите просить Вас о том, чтобы сведения эти были посланы и в петроградские, хотя бы театральные издания, т.к. не все имеют возможность следить за московской осведомительной прессой.

С глубоким уважением

Один из авторов»

(письмо от 5 февраля 1917 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 110. Ед. хр. 48. Л. 1).

15 октября 1915 (четверг).

Первое собрание сезона 1915–1916 гг. — «Альпийская роза».

«На собрании В.Я. Брюсовым будет сделан доклад об армянской поэзии, древней и новой, и будут прочитаны Ю.К. Балтрушайтисом, В.Я. Брюсовым, Ю.Н. Верховским, Вяч. Ивановым и др. новые переводы стихов армянских поэтов».

Начало в 9 час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карг. 114. Ед. хр. 43. Л. 15 (В.Я. Брюсову).

Выручено от продажи входных билетов 99 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «выдано через В.О. Гиришмана метрдотелю “Альпийской Розы”» (25 руб.).

2 декабря 1915 г. Н.Д. Богодурова писала Б.А. Садовскому: «Впрочем, в “Эстетике” я была раза 2–3, в последний раз на вечере Армянской поэзии — читали стихи Брюсов, Балтрушайтис, Вяч. Иванов (очень он сладкий — правда?) и Бальмонт (даст же Господь Бог такой талант такой пошлой фигуре и физиономии!!!)» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 61. Л. 8).

Вероятно, к этому вечеру относится реплика Вяч. Иванова, переданная без ссылок в очерке 1966 г.: «Я не могу скрыть моих симпатий к Исаакяну и Туманяну, а особенно Туманяну. Я восхищен совершенством его ярких красок, их оттенками и цветами, его гибким и живым языком. Мне бы хотелось, чтобы мои слова долетели до него. Передайте ему, что я очень люблю его и восхищаюсь им» [21, с. 220–221]. Возможно, она представляет собой пересказ газетного свидетельства:

«Открыл заседание Валерий Брюсов, чьи дивные переводы армянских поэтов помещены в последней книге “Русской мысли”. — “Теперь, — сказал поэт, — когда я в подлиннике ознакомился с Нарекаци, Ахтамарци Кучаком Нахпетом, Саят-Нова, Туманяном, Исаакяном, Цатурияном, Ованнисяном, Тэрьяном и др. армянскими поэтами, — только теперь я понял, какой драгоценный клад был скрыт от русского общества. Мне кажется, что перед нами была закрыта дверь, ведущая в дивный рай, о существовании которого мы были в полном неведении”.

Во второй части вечера В. Брюсов, В. Иванов, К. Бальмонт и Ю. Балтрушайтис читали свои переводы с армянского. Все переводы выполнены тщательно и любовно и произвели громадное впечатление на присутствовавших.

На состоявшемся после вечера ужине были произнесены речи. Прив.-доц. В.Ф. Тотомьянц благодарил русских поэтов за их громадный труд. Вячеслав Иванов заявил, что он не может скрыть своей искренней и горячей симпатии к Ов. Туманяну и Исаакяну, особенно к первому: “Я совершенно пленен его живыми красками, цветами, гибким языком. Я хотел бы и очень желал, чтоб эти мои слова дошли до армянского поэта. Передайте ему, что

я его очень люблю и весь очарован им. Мой горячий привет почтенному поэту”, — с воодушевлением закончил В. Иванов.

После него говорил К.Д. Бальмонт: “Я перевожу теперь известного грузинского поэта Руставели. Он заставил меня полюбить Грузию. На прелестном Кавказе стоят друг против друга и приветствуют друг друга снежные вершины двух великих гор. Но живущие в том же бесподобном крае два больших народа не ладят между собой. Я думаю, что народы, имеющие таких великих поэтов, так горячо умеющие воспевать розу и любовь, не могут питать друг к другу вражды. Мне хотелось бы, чтобы эти два кавказских народа — армяне и грузины, любили бы друг друга”» (*Б.п.* Вечер армянской поэзии в Москве // *Кавказское слово*. 1915. № 243, 3 нояб. С. 4–5).

29 октября 1915 (четверг).

Второе собрание сезона 1915–1916 гг. — «Альпийская роза».

Вечер, посвященный произведениям А.Н. Скрябина.

Программа:

«1. 6 этюдов op. 8.

(fis, E, b, As, gis, Des.)

2. Prélude op. 9.

3. 2 préludes op. 11.

(b и f.)

4. Feuillet d'Album op. 45

5. Enigme op. 52.

6. Désir.

7. Caresse dansée (op. 57)

8. Poème op. 71 № 2.

9. Poëтеор. 69 № 2.

10. 3-я соната.

Исп. А. К. Боровский»

(Мемориальный музей А.Н. Скрябина, инв. № ПР-202/1). Возможно, программа играла роль повестки.

Выручено от продажи входных билетов 70 руб. (*Финотчет*. 15/16). Среди расходов — «за пользование помещением» (50 руб.). Сохранился датированный этим числом счет «Альпийской розы» (РГБ. Ф, 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 22).

19 ноября 1915 (четверг).

Третье собрание сезона 1915–1916, посвященное современной музыке. — «Альпийская роза».

Программу исполнит Петроградское трио в составе: Э. Чернецкая-Гашеман (фортепьяно), Б. Виткинд (скрипка) и Д. Зиссерман (виолончель).

Начало в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 р.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 8 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 54 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 33 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено артистам» (100 руб.), «прокат рояли» (20 руб.), «помещение» (50 руб.). Отдельно сохранился счет на доставку рояля К. Бехштейн, осуществленную фирмой А. Дидерхиса (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 34).

Известно газетное объявление о вечере: Русские ведомости. 1915. № 266, 19 нояб. С. 6.

3 декабря 1915 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1915–1916 г. — Галерея Лемерсье.

«Юрий Верховский прочтет доклад на тему: “Типы творчества и Пушкинская пора”».

Начало ровно в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 1 р.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 4. Л. 59 (Вяч. Иванову); РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 22 (И.С. Остроухову).

Выручено от продажи входных билетов 19 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено за помещение» (20 руб.), «уплачено за прокат стульев» (8 руб.). Сохранилась расписка К. Лемерсье за аренду зала (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 38).

Ср. запись в дневнике И.Н. Розанова от 4 декабря (описывающую, очевидно, предыдущий день): «Ходас<евич> звал к себе, сообщил о вечере в “Свободной Эстетике”, где читал Юр. Верховский о поэтах пушкин<ской> эпохи и возражал Шершеневич» [2, с. 217].

10 декабря 1915 (четверг).

Пятое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 9 руб. 50 коп. руб. (*Финотчет.* 15/16). За два дня до этого (7 ноября) в списке расходов появилась строчка «выдано г. Машковцеву на расходы по устройству доклада» (15 руб.).

17 декабря 1915 (четверг).

Шестое собрание сезона 1915–1916 г. — Галерея Лемерсье.

«В.Я. Брюсов и С.В. Шервинский прочтут свои новые переводы стихов римских поэтов: Катулла, Вергилия, Горация, Овидия, Петрония, Сенеки, Марциала, Луперка, Спуррины, Пентадия, Луксория и др.»

Съезд к 9 час. вечера. — Чтение начнется ровно в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платою по 50 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карг. 51. Ед. хр. 4. Л. 62 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 9 руб. 50 коп. (*Финотчет.* 15/16). Уплачено за помещение 20 руб.

1916

14 января 1916 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Исполнены будут произведения: Рамо, Люлли, Лядова, Гречанинова и Гр. Крейна.

Участвуют: женский вокальный квартет в составе г-ж: В. Ликуди, А. Эль-Тур, Е. Нечаевой и П. Козмовской, Гр. Крейн и А. Могилевский.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп».

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карг. 115. Ед. хр. 7. Л. 30 (использован оборот в качестве писчей бумаги).

Выручено от продажи входных билетов 20 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «прокат рояли» (12 руб.).

21 января 1916 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Народные поэты Николай Клюев и Сергей Есенин прочтут свои стихотворения»

Начало ровно в 9 ч. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка приводится со ссылкой на частное собрание: [5, с. 695] (коммент. М.Л. Спивак).

Выручено от продажи входных билетов 20 руб. 55 коп. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «уплачено артистам» (50 руб.).

Подготовка к этому (второму после 1912 г.) выступлению Клюева в Обществе началась еще осенью 1915 г., когда сам он писал И.М. Брюсовой 9 сентября:

«Глубокоуважаемая Жанна Матв<еевна>!

Убедительно прошу Вас известить меня о следующем: можно ли надеяться на устройство чтения новых произ<ведений> в Обществе свободной

эстетики — но только на чтение немедленное по моему приезду в Москву. Низко Вам кланяюсь с Валерием Яковлевичем вкупе» [9, с. 238].

Ср. газетный отчет: «Вчера общество свободной эстетики устроило вечер народных поэтов Н. Клюева и С. Есенина. Поэты еще до чтения своих стихов привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в черных бархатных кафтанах, цветных рубахах и желтых сапогах. После небольшого выступления И.И. Трояновского, указавшего, что Н. Клюев слушателям уже известен, а г. Есенин выступает в обществе свободной эстетики первый раз, поэты начали чтение стихов. Н. Клюев прочел былинно-сказание “О Вильгельмище, царе поганым <sic>”, г. Есенин — сказание о Евпатии Коловрате. Затем поэты читали поочередно лирические стихотворения. В произведениях обоих поэтов в значительной мере нашла отражение современная война. Оба поэта имели у слушателей успех» (*Б.н.* Вечер народных поэтов // Утро России. 1916. № 22, 22 янв. С. 4; перепеч.: Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. 1916. № 2. Стлб. 19). В другом репортаже писалось: «Вчера в о-ве свободной эстетики состоялся вечер, посвященный творчеству народных поэтов — С.А. Евсенина <sic> из Рязанской губ., и Н.А. Клюева, из Олонецкой губ., являющихся продолжателями народного былинного творчества.

Оба поэта были в национальных костюмах и читали свои песни в былинном стиле.

В песнях, исполненных поэтами, нельзя не отметить элемента современности. Войне и ее виновнику — “Вильгельмищу” посвящено несколько стихотворений» (*Б.н.* Вечер народных поэтов // Раннее утро. 1916. № 17, 22 янв. С. 4).

Об этом вечере оставил подробные воспоминания И.Н. Розанов: «21 января 1916 года я узнал, что в Москву приехал Николай Клюев и вечером будет выступать в Обществе свободной эстетики. Я не очень любил это Общество и почти никогда там не бывал, но Клюева мне хотелось послушать и посмотреть. Уже четыре года, как он обратил на себя всеобщее внимание. Он уже успел выпустить три книги стихов, и я был им очень заинтересован.

Собрание Общества свободной эстетики на этот раз происходило в помещении картинной галереи Лемерсье на Петровке. Я прибыл в назначенное время, но тут всегда запаздывали, и я долго слонялся по залам, увешанным картинами, терпеливо ожидающими себе покупателей. Галерея Лемерсье была чем-то вроде художественно-комиссионной конторы. Потом я очутился в одной из последних комнат, где расставлены были стулья рядами и собралось уже порядочно публики. Я нашел знакомых. Стали дожидаться вместе. Наконец раздался шепот: “Приехал!..”

И вот между пиджаками, визитками, дамскими декольте твердо и уверенно пробирается Николай Клюев. У него прямые светлые волосы; прямые, широкие, спадающие “моржовые” усы. Он в коричневой поддевке и высоких сапогах. Но он не один: за ним следом какой-то парень странно-го вида. На нем голубая шелковая рубашка, черная бархатная безрукавка и нарядные сапожки. Но особенно поражали пышные волосы. Он был совершенно белоголовый, как бывают в деревнях малые ребята. Обыкновенно позднее такие волосы более или менее темнеют, а у странного и нарядного парня остались, очевидно, какими были в детстве, к тому же они были необычайно кудрявы.

Распорядитель объявил, что стихи будет читать сначала Клюев, потом... последовала незнакомая фамилия. “Ясенин” послышалось мне. Это легко осмысливалось: “Ясень”. И когда через полгода я купил только что вышедшую “Радуницу”, я не без удивления увидал, что фамилия автора начинается с “Е” и что происходит она не от “ясень”, а от “осень”, по церковнославянски “есень”.

Сначала Клюев читал большие стихотворения, что-то вроде современных былин, потом перешел к мелким, лирическим. Помню, как читал он свой длинный “Беседный наигрыш, стих доброписный”. Содержание было самое современное:

Народилось железное царство
 Со Вильгельмищем, царищем поганым. —
 У него ли, нечестивца, войска — сила,
 Порядового народа — несусветно...

Клюев поражал своею густою красочностью и яркою образностью.

Очередь за другим поэтом. Он также начал с эпического. Читал о Евпатии Рязанском. Эта былина не произвела впечатления, и потому плохо ее помню. Во всяком случае тут совершенно не было того воинствующего патриотизма, которым отличались некоторые вещи Клюева. Если тут и был патриотизм, то разве только краевой, рязанский. Потом Есенин перешел к мелким стихам о деревне. Читал он их очень много, разделяя одно от другого короткими паузами, читал, как помнится, не размахивая руками, как было впоследствии. “Жарит из пулемета”, — сказал мой сосед слева. Большинство прочитанного поэтом вошло потом частью в “Радуницу”, частью в “Толубень”

— Это что-то вроде Кольцова или Некрасова, которых я терпеть не могу! — сказала моя соседка справа, художница-футуристка, щеголявшая своей эксцентричностью.

Потом был перерыв, потом опять читали в том же порядке. В перерыве и по окончании в гардеробной слушатели обменивались впечатлениями о стихах и о наружности поэтов» [18, с. 441–443].

Ср. в воспоминаниях П.Н. Зайцева: «В январе 1916 года “Общество свободной эстетики” устроило вечер “народных поэтов” (так было сказано в пригласительных повестках) Н. Клюева и Сергея Есенина. Зал был переполнен обычной публикой “Эстетики”. И вот, как в театре, свет в зале погас, раздвинулся занавес, и на ярко освещенной площадке небольшой сцены-эстрады появились Есенин и Клюев.

В зале среди публики легкое ироническое движение: оба поэта в причудливых театральномаскарадных костюмах; на обоих черные бархатные кафтаны, цветные рубахи и желтые сапожки. Им бы еще собольи шапочки с цветными верхами на голове да в руки топорики — и прямо на сцену Большого театра: рынды из “Бориса Годунова”, а не поэты! И в довершение маскарада на лице поэтов чьей-то умелой рукой положены пудра и легкий грим» [5, с. 249].

Еще один свидетель вспоминал: «В другой раз на той же эстраде в ярко-голубой рубахе, в высоких блестящих сапогах, появился и стал читать стихи очаровательной внешности юноша в золоте естественно вьющихся волос — это был Есенин, и это было одно из первых его выступлений. Он держал себя не развязно, но, конечно, с сознанием своего обаяния» [31, с. 100].

4 февраля 1916 (четверг).

Девятое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Вячеслав Иванов прочтет свой перевод, размером подлинника, трагедии Эхила Агамемнон».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 60 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 9 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 16 (В.Я. Брюсову).

Выручено от продажи входных билетов 44 руб. 40 коп. (*Финотчет.* 15/16). В списке расходов значится «уплачено артистам Г.Л. Гиришман 50 руб.», что вызывает некоторое недоумение — составляло ли это гонорар Вяч. Иванова? Или в последнюю минуту заменили его декламацию на музыкальный вечер (для которого, кстати сказать, количество проданных билетов более характерно)?

Известно газетное объявление: Русские ведомости. 1916. № 27, 4 февр. С. 5.

11 февраля 1916 (четверг).

Десятое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

Петроградская артистка О.Н. Бутомо-Названова исполнит произведения Вейсберг, Гречанинова, Губенко, Каратыгина, Прокофьева, Стравинского, Штрейхер.

Партию ф.п. исполнит В.Г. Каратыгин.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 60 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 13 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 43 руб. 20 коп. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов — «прокат рояли» (15 руб.). Сохранилась расписка за доставку рояля (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 48).

17 февраля 1916 (среда).

Одиннадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«К.Д. Бальмонт прочтет: “Преображение жертвы”, “Мысли о Словацком”.

Тадеуш Мицинский прочтет: “Словацкий и Лермонтов”».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 17 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 61 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: «чай для артистов» (1 руб.), «уплачено лектору Т. Мицинскому» (40 руб.). Несмотря на значащуюся на повестке дату и нетипичный день недели, в отчете данные о вечере записаны под четвергом 18-го февраля.

25 февраля 1916 (четверг).

Двенадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

«Н.Я. Брюсова прочтет доклад: “Об умении слушать музыку”».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 20 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 13 руб. (*Финотчет.* 15/16).

10 марта 1916 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1915–1916 гг. — Галерея Лемерсье.

Посвящено памяти С.И. Танеева.

Н.Я. Брюсова скажет вступительное слово. Участвуют: П.Ж. Доберт, А.Р. Бакалейников, Е.В. Богословский, К.Н. Игумнов, В.Л. Кубацкий, А.Я. Могилевский, Н.Г. Райский.

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 30 (Вяч. Иванову).

Выручено от продажи входных билетов 50 руб. (*Финотчет.* 15/16). Среди расходов: гонорар артистам (50 руб.), волшебный фонарь (15 руб.), прокат рояли (20 руб.).

21 апреля 1916 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 10 руб. (*Финотчет*. 15/16).

28 апреля 1916 (четверг).

Пятнадцатое собрание сезона 1915–1916 гг.

Тема неизвестна.

Выручено от продажи входных билетов 55 руб. (*Финотчет*. 15/16).

Среди расходов — гонорар артистам (90 руб.), «снятие ковров» (12 руб.).

10 ноября 1916 (четверг).

Первое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Валерий Брюсов прочтет свои новые стихи циклов: “Перезвучия”, “Patetexitus”, “Летние былинки”, “Наши дни”, а также, в своем переводе, стихотворения поэтов финских и латышских».

Начало ровно в 9 ч. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 49 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 17 (В.Я. Брюсову).

Первоначально план первого ноябрьского собрания выглядел иначе: 20 октября 1916 г. И.М. Брюсова писала А. Белому:

«Глубокоуважаемый Борис Николаевич, вы в Москве и до сих пор не захотели нас с Валерием Як. повидать. Это грустно. А мы жаждем посмотреть, услышать вас, поговорить с вами. Добраться до вас трудно, у вас нет телефона, может быть, вы сами захотите заглянуть к нам. Живем мы на 1-й Мещанской, 32, кв. 2, тел. наш 1-95-33.

Вал. Як. всю осень хворал, иначе непременно навестил бы вас.

У меня есть к вам поручение: Общ. свободной Эстетики просило меня обратиться к вам и упросить вас не отказаться прочесть в нашем обществе ряд стихотворений.

Приблизительно около 17 ноября предполагается устроить вечер, участниками его намечены: Вы, Бальмонт, Балтрушайтис, Вяч. Иванов и Вал. Брюсов.

Очень уповаем на вас, иначе нас очень и очень огорчите. Но раньше всего ждем вас к себе, если же вам нельзя, то позвольте мне заехать к вам, чтобы переговорить о предполагаемом вечере.

Во всех случаях жду вашего звонка.

Привет от Вал. Як. и меня вашей маме и

до свидания.

Иоанна Брюсова»

(РГБ. Ф. 25. Карт. 10. Ед. хр. 8. Л. 1–2). Вероятно, из-за отказа Белого или по другим причинам этот план не воплотился.

24 ноября 1916 (четверг).

Второе собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

Вечер будет посвящен произведениям Леонида Сабанеева.

Программа.

1-ое отделение.

Préludes. Op. 3, e, cis.

Op. 8, e.

Op. 1, d.

Op. 10, h, H.

Poèmes. Op. 11, №№ 3, 4, 5.

Op. 14, № 4.

Prélude. Op. 2, № 4, C.

2-ое отделение.

Sonate. Op. 16, e.

Исполнит автор.

Начало ровно в 9 ч. веч.

Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 21 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 5. Л. 54 (Вяч. Иванову).

15 декабря 1916 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Исполнены будут произведения Г. Кагуара, А. Крейна и Э. Купера.

Участовать будут г-жи К.Г. Держинская, В.И. Епанешникова, Н.А. Обухова, Е.А. Степанова, г.г. М.С. Куржиямский и Б.О. Сибор».

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 18 (В.Я. Брюсову).

1917

26 января 1917 (четверг).

Пятое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«К.Д. Бальмонт прочтет свои новые стихи из книги “Сонеты солнца, меда и луны”».

Начало в 9 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 19 (В.Я. Брюсову).

2 марта 1917 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1916–1917 гг. — Юридическое собрание.

«Максимилиан Волошин прочтет свои новые стихотворения; Константин Липскеров свою поэму из современной жизни “Другой”».

Начало ровно в 8 час. вечера. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 20 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 6. Л. 9 (Вяч. Иванову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 20 (В.Я. Брюсову).

Возможно, собрание пронумеровано седьмым по ошибке: ср. тот же номер на повестке *23 марта 1917 г.*

23 марта 1917 (четверг).

Экстренное общее собрание. — Юридическое собрание.

«Предметы обсуждения: 1) заслушивание отчета за истекший 1915–1916 г.; 2) выборы двух представителей в Соединенный Совет литературных обществ, согласно с постановлением Собрания Президиумов 16 марта 1917 г.

В случае, если назначенное собрание не состоится за неприбытием гг. членов, требуемых уставом, в тот же день назначается вторичное, *в 7 час. веч.*, считающееся состоявшимся независимо от числа участвующих гг. членов.

В тот же день в том же помещении *ровно в 9 час. веч.* состоится очередное 7-ое <sic!> собрание общества.

Максимилиан Волошин прочтет свои новые стихотворения; Константин Липскеров свою поэму из современной жизни “Другой”».

Начало в 6 час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 1 руб.

Повестка: РГБ. Ф. 109. Карт. 51. Ед. хр. 6. Л. 11 (Вяч. Иванову).

Брюсов записывал в сатирическом «Дневнике поэта» под этим днем:

«В “Эстетике”. Пять человек
 Пришло на общее собрание; —
 Полу-дельцов, полу-калек,
 Полу-поэтов... Сочетанье
 Смешное: Гишман — Артюшков,
 Жеппе — Грабарь, Генриетта — Владя
 В пять-шесть минут дела улады,
 В Кружок я ехать был готов,
 Но, мудр, настойчив и непрошен,

Меня в дверях поймал Волошин
 (Я, впрочем, сам и звал его...)
 С “Верхарнами”... Не до того
 Мне было. Выслушал поспешно
 И убежал, чтоб не внимать,
 Как будет тот же Макс читать
 Поэму о “пещере грешной”
 (Eadem vulva), как потом
 Расхлябисто плохим стихом
 Поэмку Липскеров изложит...
 Туман — в душе, но все ж не может
 Она стерпеть, когда стихи
 Суть “блюдо скучной чепухи!”» [13, с. 30].

Список литературы

1. *Асеев Н.* Родословная поэзии: статьи, воспоминания, письма / сост. А.М. Крюкова и С.С. Лесневский. М.: Сов. писатель, 1990. 558 с.
2. *Богомолов Н.А.* Ходасевич в дневнике И.Н. Розанова (1913–1923) // Russian literature. 2016. Vol. 23–24. С. 201–247.
3. *Брюсов В.* Письма неофициального корреспондента / общ. ред., сост., подгот. текста и коммент. М.В. Орловой. М.: Водолей, 2015. 232 с.
4. *Гершензон М.О.* Узнать и полюбить: Из переписки 1893–1925 годов / сост., подгот. текста и коммент. Е.Ю. Литвин. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: [б.и.], 2016. 511 с.
5. *Зайцев П.Н.* Воспоминания / сост. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 746 с.
6. *Зелинский К.* На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 годов. М.: Сов. писатель, 1960. 340 с.
7. *Ивнев Р.* Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма / подгот. текста, вступ. ст. Н.П. Леонтьева. СПб.: Искусство-СПб, 2007. 572 с.
8. *Киссин С.* Легкое бремя / изд. подгот. И. Андреева. М.: Август, 1999. 416 с. (Bibliotheca de visu).
9. *Клюев Н.* Словесное древо. Проза / вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 688 с.
10. *Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932. Исторический обзор: в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. Кн. 1–2. 784, 1104 с.
11. *Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) / публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1994. Т. 15. С. 7–162.
12. *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108.
13. Незаконченный «Дневник поэта» / предисл. и публ. В.С. Дронова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 25–34.

14. *Пастернак Б.* Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. М.: Слово, 2003–2005.
15. Переписка с Эмилем Верхарном. 1906–1914 / вступ. ст. и публ. Т.Г. Динесман; пер. с фр. Н.Д. Эфрос при участии М.И. Беляевой // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 546–621.
16. Письма В.Ф. Ходасевича к Б.А. Садовскому / подгот. текста, сост. И.П. Андреевой. Анн Арбор: Ардис, 1983. 421 с.
17. *Поздеева З.И.* И я с Дубны // Зов родной земли: Вспоминая забытого поэта. М.: ИКАР, 1999. 296 с.
18. *Розанов И.Н.* Литературные репутации. М.: Сов. писатель, 1990. 485 с.
19. *Романов А.Ю.* Возвращение поэта: материалы к биографии К.Д. Бальмонта (по газетным публикациям 1913 г.) // Солнечная пряжа. Иваново; Шуя: Издатель Епишева О.В., 2008. Вып. 2. С. 134–138.
20. *Сабанеев Л.Л.* Воспоминания о России. М.: Классика-XXI, 2005. 268 с.
21. *Сафразбекян И.Р.* И. Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб – переводчики антологии «Поэзия Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван: Айтастан, 1968. С. 210–228.
22. *Северянин И.* Сочинения: в 5 т. / сост. В.А. Кошелев, В.А. Сапогов. СПб.: Logos, 1995–1996.
23. *Серпинская Н.* Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М.: Молодая гвардия, 2003. 334 с.
24. *Соболев А.Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 384–457.
25. Устные воспоминания Р.О. Якобсона о Маяковском (1967) / публ. Е. Тоддеса // Тын्यानковский сборник. Рига; М.: Полграфист, 1995–1996. Вып. 9: Седьмые Тын्यानковские чтения: Материалы для обсуждения. С. 297–317.
26. *Фаворский В.А.* Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений. М.: Книга, 1991. 384 с.
27. *Хвас И.* Мои первые встречи // Маяковский глазами современниц. Воспоминания. Диалоги / сост. В. Терехиной. СПб.: Росток, 2014. С. 94–107.
28. *Ходасевич А.И.* Воспоминания о В.Ф. Ходасевиче / вступ. ст. и подгот. текста Л.В. Горнунга // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. лит., 1990. С. 386–410.
29. *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
30. *Шервинский С.* От знакомства к родству: Стихи, переводы, очерки, воспоминания. Ереван: Советакан грох, 1986. 415 с.
31. *Шервинский С.В.* Стихотворения. Воспоминания / сост. Е.С. Дружининой. Томск: Водолей, 1997. 320 с.
32. *Шубинский В.* Владислав Ходасевич. Чающий и говорящий. М.: Молодая гвардия, 2012. 523 с. (ЖЗЛ. Вып. 1334).
33. *Якобсон Р.* Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент Б. Янгфельдта. М.: Гиля, 2012. 305 с.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020
Одобрена после рецензирования: 19.03.2020
Дата публикации: 25.09.2020

Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. Part 2: 1912–1917

© 2020, Alexander L. Sobolev

Abstract: The history of the Moscow Free Aesthetics Society (1906–1917), based on insufficiently and unevenly studied sources, remains on the periphery of research interest. The main purpose of the present publication is to fill this gap. The chronicle is based on a wide spectrum of sources: the society's own reports (handwritten and printed), including financial; agendas and minutes of the Committee proceedings and general meetings; a register of guests at meetings in 1910–1912, preserved in the Manuscript department of the RSL; correspondence of participants; “Literary and Artistic Circle Proceedings”, published since 1913, as well as newspaper reports. The chronicle takes into account all dated official events of the Free Aesthetics Society: first of all, literary and musical evenings, but also the organizational meetings of the Society and its Committee, excluding particular meetings of society members. For the identified meetings, the date, status (general, closed, etc.), venue, topic, start time, conditions of guests admission, other information, including the number of participants and financial results, are given. These are followed with an outline of the main sources: the agenda (if known), a report, etc. After that, documents related to the preparation of the event, its implementation and consequences are listed. Letters and memoirs of the participants are cited. Thus, the chronicle describes the main aspects of the Free Aesthetics Society activities, and various sources, many of which have not been published before, are introduced into scientific circulation. The second part of the publication is dedicated to the last years of the Society (1912–1917).

Keywords: Free Aesthetics Society, chronicle, archival sources, newspaper reports, Futurists, V. Bryusov.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. “Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. Part 2: 1912–1917.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 88–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-88-157>

References

1. Aseev, N. *Rodoslovnaia poezii: stat'i, vospominaniia, pis'ma* [*Genealogy of Poetry: Essays, Memoirs, Letters*], comp. by A.M. Kriukova and S.S. Lesnevsky. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 558 p. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. “Khodasevich v dnevnike I.N. Rozanova (1913–1923)” [“Khodasevich in I.N. Rozanov's Diary (1913–1923)”]. *Russian literature*, vol. 23–24, 2016, pp. 201–247. (In Russ.)
3. Briusov, V. *Pis'ma neofitsial'nogo korrespondenta* [*Letters of an Unofficial Correspondent*], ed., text prep. and comm. by M.V. Orlova. Moscow, Vodolei Publ., 2015. 232 p. (In Russ.)

4. Gershenzon, M.O. *Uznat' i poljubit': Iz perepiski 1893–1925 godov* [To Get to Know and Get to Like: From the Correspondence of 1893–1925], comp., text prep. and comment. by E.Yu. Litvin. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 511 p. (In Russ.)

5. Zaitsev, P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008. 746 p. (In Russ.)

6. Zelinskii, K. *Na rubezhe dvukh epokh: Literaturnye vstrechi 1917–1920 godov* [On the Cusp of Two Epochs: Literary Encounters of 1917–1920]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1960. 340 p. (In Russ.)

7. Ivnev, R. *Zhar prozhytykh let: Vospominaniia. Dnevnik. Pis'ma* [The Fervor of Past Years: Memoirs. Diaries. Letters], text prep., introd. by N.P. Leontyev. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2007. 572 p. (In Russ.)

8. Kissin, S. *Legkoe bremia* [The Light Burden], prep. by I. Andreeva, series: Bibliotheca de visu. Moscow, Avgust Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)

9. Kliuev N. *Slovesnoe drevo: Proza* [The Tree of Words: Prose], introd. by A.I. Mikhailov, comp., text prep. and comm. by V. Garnin. St. Petersburg, Rostok Publ., 2003. 688 p. (In Russ.)

10. Krusanov, A.V. *Russkii avangard: 1907–1932. Istoricheskii obzor: v 3 t.* [Russian Avant-garde: 1907–1932. Historical Review: in 3 vols.], vol. 1, books 1–2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 784, 1104 p. (In Russ.)

11. Loks, K. “Povest' ob odnom desiatiletii (1907–1917)” [“Tale of a decade (1907–1917)”], publ. by E.V. Pasternak and K.M. Polivanov. *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [The Past: Historical Almanac], vol. 15. Moscow, St. Petersburg, Atheneum Publ., Feniks Publ., 1994, pp. 7–162. (In Russ.)

12. Mozalevskii, V.I. “Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie)” [“Paths, ways, encounters (conclusion)”], text prep. and comm. by A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (13), 2019, pp. 71–108. (In Russ.)

13. “Nezakonchennyi “Dnevnik poeta”” [“The Unfinished “Poet’s Diary””], introd. and publ. by V.S. Dronov. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valery Bryusov. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 25–34. (In Russ.)

14. Pasternak, B. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami: v 11 t.* [Complete Works with Appendixes: in 11 vols.]. Moscow, Slovo Publ., 2003–2005. (In Russ.)

15. “Perepiska s Emilem Verkharnom. 1906–1914” [“Correspondence with Emile Verhaeren. 1906–1914”], introd. and publ. by T.G. Dinesman, transl. from French by N.D. Efros with contributions from M.I. Belyayeva. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85: Valery Bryusov. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 546–621. (In Russ.)

16. *Pis'ma V.F. Khodasevicha k B.A. Sadovskomu* [V.F. Khodasevich's letters to B.A. Sadovskoy], text prep., comp. by I.P. Andreeva. Ann Arbor, Ardis, 1983. 421 p. (In Russ.)

17. Pozdeeva, Z.I. “I ia s Dubny” [“I’m also from Dubna”]. *Zov rodnoi zemli: Vspominaia zabytogo poeta* [The Call of the Motherland: Remembering the Forgotten Poet]. Moscow, IKAR Publ., 1999. 296 p. (In Russ.)

18. Rozanov, I.N. *Literaturnye reputatsii* [Literary Reputations]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 485 p. (In Russ.)

19. Romanov, A.Iu. “Vozvrashchenie poeta: materialy k biografii K.D. Bal'monta (po gazetnym publikatsiiam 1913 g.)” [“The Return of the Poet: Materials for K.D. Balmont’s Biography (Based on 1913 Newspaper Publications)”]. *Solnechnaia priazha* [Solar Yarn], issue 2. Ivanovo, Shuia, Episheva O.V. Publ., 2008, pp. 134–138. (In Russ.)

20. Sabaneev, L.L. *Vospominaniia o Rossii* [Memoirs of Russia]. Moscow, Klassika-XXI Publ., 2005. 268 p. (In Russ.)
21. Safrazbekian, I.R. “I. Bunin, K. Bal’mont, V. Ivanov, F. Sologub — perevodchiki antologii ‘Poeziia Armenii’.” [“I. Bunin, K. Bal’mont, V. Ivanov, F. Sologub as Translators for the Anthology ‘Poetry of Armenia’.”] *Briusovskie chteniia 1966 goda* [Briusov Proceedings of 1966]. Yerevan, Aiastan Publ., 1968, pp. 210–228. (In Russ.)
22. Severianin, I. *Sochineniia: v 5 t.* [Works: in 5 vols.], comp. by V.A. Koshelev, V.A. Sapogov. St. Petersburg, Logos Publ., 1996. 400 p. (In Russ.)
23. Serpinskaia, N. *Flirt s zhizn’iu: Memuary intelligientki dvukh epoch* [Flirting with Life: Memoirs of an Intellectual Lady of Two Epochs]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2003. 334 p. (In Russ.)
24. Sobolev, A.L. “Obshchestvo svobodnoi estetiki (1906–1917). Materialy k khronike” [“Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle Materials”]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (15), 2020, pp. 384–457. (In Russ.)
25. “Ustnye vospominaniia R.O. Iakobsona o Maiakovskom (1967)” [R.O. Yakobson’s Oral Memoirs of Maiakovsky], publ. by E. Toddes. *Tynianovskii sbornik* [Tynyanov Collection], issue 9: Sed’mye Tynianovskie chteniia: Materialy dlia obsuzhdeniia [7th Tynyanov Proceedings: Materials for Discussion]. Riga, Moscow, Poligrafist Publ., 1995–1996, pp. 297–317. (In Russ.)
26. Favorskii, V.F. *Vospominaniia sovremennikov. Pis’ma khudozhnika. Stenogrammy vystuplenii* [Memoirs of Contemporaries. Artist’s Letters. Verbatim Reports]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 384 p. (In Russ.)
27. Khvas, I. “Moi pervye vstrechi” [“My First Encounters”]. *Maiakovskii glazami sovremennits. Vospominaniia. Dialogi* [Maiakovsky as Seen by His Female Contemporaries. Memoirs. Dialogues], comp. by V. Terekhina. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014, pp. 94–107. (In Russ.)
28. Khodasevich, A.I. “Vospominaniia o V.F. Khodaseviche” [“Memoirs of V.F. Khodasevich”], introd., text prep. by L.V. Gornung. *Novo-Basmannaia, 19*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990, pp. 386–410. (In Russ.)
29. Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994–1995. (In Russ.)
30. Shervinskii, S.V. *Ot znakomstva k rodstvu: Stikhi, perevody, ocherki, vospominaniia* [From Acquaintance to Kinship: Poems, Translations, Sketches, Memoirs]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1986. 415 p. (In Russ.)
31. Shervinskii, S.V. *Stikhotvoreniia. Vospominaniia* [Poems. Memoirs], comp. by E.S. Druzhinina. Tomsk, Vodolei Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)
32. Shubinskii, V. *Vladislav Khodasevich. Chaiushchii i govoriashchii* [Vladislav Khodasevich. Hoping and Speaking], series: Zhizn’ zamechatel’nykh liudei [Life of Outstanding People], issue 1334. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2012. 523 p. (In Russ.)
33. Iakobson, R. *Budetlyanin nauki: Vospominaniia, pis’ma, stat’i, stikhi, proza* [Budetlyanin of Science: Memoirs, Letters, Essays, Poems, Prose], comp., text prep., introd. and comm. by B. Jangfeldt. Moscow, Gileia Publ., 2012. 305 p. (In Russ.)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020